

Археологические Вести

№5

1996–1997

ДБ

St.-PETERSBURG

1998

ПАРАДНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ИЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ (предварительная типология)*

Ю.Е.БЕРЕЗКИН, Н.Ф.СОЛОВЬЕВА**

Энеолитическое поселение Илгынлы-депе площадью 14 га расположено в Южном Туркменистане в 240 км юго-восточнее Ашхабада. В IV тыс. до н.э. сформированную глинистыми наносами равнину вокруг Илгынлы-депе орошала речка Меана-чай. Миграция ее русла и стала вероятной причиной ухода жителей на соседнее поселение Алтын-депе, находившееся в 6,5 км западнее Илгынлы-депе и несколько ближе к горам. По данным итальянского геоморфолога Б.Марколонго (личное сообщение, 1994), русла всех крупных и мелких рек региона смещаются на протяжении тысячелетий к западу. Оставление Илгынлы-депе, таким образом, объясняется действием тех же факторов, которые позднее вызвали запустение Геоксюрского оазиса.

Радиоуглеродные даты омолаживают возраст Илгынлы-депе на 300–500 лет, хотя друг другу не противоречат; помимо опубликованных (Березкин 1993), сейчас получен еще десяток определений. Причина этого омоложения неясна, тем более что для слоев эпохи бронзы на Алтын-депе подобных систематических отклонений нет. Керамика геоксюрского типа, появляющаяся в двух самых верхних строительных горизонтах Илгынлы-депе (рис. 16: 1,2,8), найдена также в нижнем слое Шахри-Сохте в Систане, где она обнаружена вместе с протоэламскими материалами (Тоси 1971: рис.3; Amiet, Tosi 1978; Piperno 1986). Опираясь на этот факт, оставление Илгынлы-депе следует датировать в пределах 3100–2900 гг. до н.э. При совокупной мощности отложений порядка 14 м, поселение должно было быть основано в конце V — начале IV тыс. до н.э. Время существования тех пяти верхних строительных горизонтов памятника, которые изучались в 1985–1994 гг., может охватывать почти всю вторую половину IV тыс. до н.э.

Уже в 50-х годах при закладке шурфов и сборе подъемного материала на Илгынлы-депе было отмечено обилие предметов из меди и на-

личие каменных идольчиков (Ганялин 1959:21), но в то время эти сообщения не вызвали интереса. Каракумская экспедиция ИИМК РАН совместно с Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией АН Туркменистана под общим руководством В.М.Массона приступила к систематическому изучению памятника в 1985 г., основные работы начались в 1987 г. В 1985–1989 гг. на Илгынлы-депе было заложено около десятка раскопов, три из которых стали основными (рис. 1).

Стратиграфический раскоп 3 (руководитель работ Н.Ф.Соловьева), имеющий размеры 16 x 14 м, занимает сравнительно ровный участок в юго-западной части поселения, где мощность отложений достигает, видимо, 9–10 м. В 1994 г. максимальная глубина раскопа от поверхности холма составила примерно 3,5 м. Здесь выделено пять строительных горизонтов, из которых самый верхний, первый, сохранился лишь в северо-восточной части раскопа, а остальные четыре представляют собой исключительно редкую картину последовательной смены ритуальных архитектурных комплексов. Каждое новое здание более позднего горизонта возводилось на месте отслужившего свой срок прежнего, практически полностью повторяя ориентацию, расположение входа и деталей внутреннего убранства, но, в то же время, каждый раз отличаясь изменениями интерьера (рис. 2: 1,2,3,4).

Планиграфический раскоп 5, имеющий размеры 30 x 30 м, расположен на наиболее возвышенном участке в северной половине холма (как и на раскопе 4, основные работы здесь вел Ю.Е.Березкин). Отложения вскрывались на глубину до 1,5 м. Нумерация строительных горизонтов в полевых отчетах и на чертежах соответствует локальной стратиграфии. Судя по керамике, горизонты ПБ, ПА раскопа 5 соответствуют горизонту IV, скорее его поздней стадии (IVA), и ранней стадии горизонта III раскопа 3, а горизонты IB и IA раскопа 5 — поздней стадии

* Статья написана по теме исследовательского проекта "Энеолитическое поселение Илгынлы-депе" (грант РГНФ 97.01.00283).

** Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

горизонта III и, может быть, — ранней стадии горизонта II раскопа 3. Но эта корреляция при- близительна. Точное временное соотношение отдельных домохозяйств на самом раскопе 5 также не всегда удавалось установить. На раскопе 5 нет материалов, соответствующих горизонтам I — поздней стадии горизонта II раскопа 3, так как в этот период самая высокая часть поселения оказалась заброшена.

Планиграфический раскоп 4, имеющий размеры 70 x 20 м, тянется вниз по склону холма с северо-запада на юго-восток от наиболее возвышенного участка поселения. Общий перепад высот превышает 3,5 м, но культурные слои вскрывались на глубину не более 1,2–1,35 м. Единой планиграфической картины не получено. Верхние горизонты I и II (примерно соответствующие таковым на раскопе 3) в основном сохранились лишь в северо-западной части раскопа 4. Строения горизонта III исследованы в юго-западной части этого раскопа и на полевых чертежах 1987 г., в соответствии с локальной стратиграфией, обозначены как относящиеся ко второму или основному периоду жизни на поселении. На чертежах 1988 г. основной период соответствует горизонту II.

Остальные раскопы имеют небольшую площадь. Работы на них велись разными исследователями. Раскоп 1 (1985, 1987 гг.) расположен на юго-восточном выступе Илгынлы-депе, отделенном от остальной части поселения пологой ложбиной. Находки из этого раскопа примерно синхронны находкам из горизонта III раскопа 3. Поверхностный слой раскопа 1 представляет собой более поздние отложения без архитектурных остатков. Раскоп 2 состоит из трех отдельных участков, расположенных на юго-юго-восточном склоне холма. Северо-западный участок раскопа 2 — это пробная зачистка поверхностного слоя поселения, проведенная в 1985 г. Среди двух юго-западных участков один представляет собой стратиграфическую траншею (1986 г.), а другой — раскоп 1987 г. В пределах этого раскопа в 1988 г. был заложен шурф. Выявленные в раскопе 2 строения имеют, по-видимому, хозяйственно-производственное назначение и синхронны горизонтам I и II на раскопе 3. Рядом с северо-западным участком раскопа 2 в 1988 и 1990 гг. были расчищены на небольшой площади стены двух уровней (раскоп 6), очевидно синхронные планировке южной части раскопа 2. Раскоп 7 расположен в 60 м к северо-западу от раскопа 3. Работы велись здесь в 1989—1991 гг. Архитек-

тура раскопа 7 примерно синхронна горизонту III раскопа 3, а необычное коллективное захоронение совершено в горизонте II, если не в горизонте I. Культурные слои и архитектурные остатки, относящиеся к горизонтам III и II, выявлены в 1991 г. в шурфе, расположенном в 40 м к северо-западу от раскопа 7.

Архитектура Илгынлы-депе свидетельствует о существовании специфического планировочного канона, разнообразного в конкретных проявлениях и постепенно меняющегося во времени. Его облик определяют *подквадратные в плане архитектурные комплексы*, которые обычно примыкают одной или двумя сторонами к другим постройкам и/или к стене улицы. *Вход в такой комплекс расположен по центру любой стены*, кроме (может быть, за одним исключением) северо-западной. *Внутри помещения слева от входа находится либо выступ стены, либо “тумба”*. При раскопках тумба (рис. 18) обычно предстает как глухая камера, заполненная обломками сырца, керамикой и мусором. Не исключено, что стены тумбы не достигали потолка помещения и постепенно наращивались по мере заполнения этого своеобразного “мусорного ящика”. Ближайшая ко входу стена тумбы порой представляет собой массив кладки, аналогичный выступу стены в тех комплексах, где тумба отсутствует. Вместе с тем обнаружена по крайней мере одна тумба, которая целиком состоит из мусора, обмазанного с внешней стороны штукатуркой. О конструкции кровли домов судить трудно. В некоторых комплексах часть стен имеет толщину в один кирпич. Тяжесть перекрытия они явно нести не могла. Дверной проем с порогом был высоким (притолока ни разу не сохранилась) и широким (от 60 см в небольших до 80–110 см в крупных комплексах). Подпяточный камень, за редкими исключениями, располагался справа от входящего. Выход из парадного помещения, по-видимому, всегда вел во двор, куда открывались также выходы из других помещений (если таковые имелись) соответствующего домохозяйства; во дворе находился выход на улицу. В крупных комплексах, наряду с парадным двором, имелся хозяйственный. Общие контуры домохозяйств выявлены лишь в немногих случаях. Пол парадных помещений покрыт черной краской. В ряде комплексов второго и третьего горизонтов (3.4, 12.4, 34.4, 1.7)* наличие красочного покрытия на полах не отмечено, однако, во всех этих случаях по разным причинам черное покрытие, если оно состояло из одной-

* Архитектурные комплексы обозначены комбинацией номера главного помещения и соответствующего раскопа (59.4: комплекс на раскопе 4 с помещением 59). Если помещение имеет двойную нумерацию, оно обозначается по меньшему номеру (3 вместо 3/4). Ряд небольших недоследованных и/или сохранившихся лишь фрагментарно зданий, возможно относящихся к рассматриваемой категории, не рассматривается.

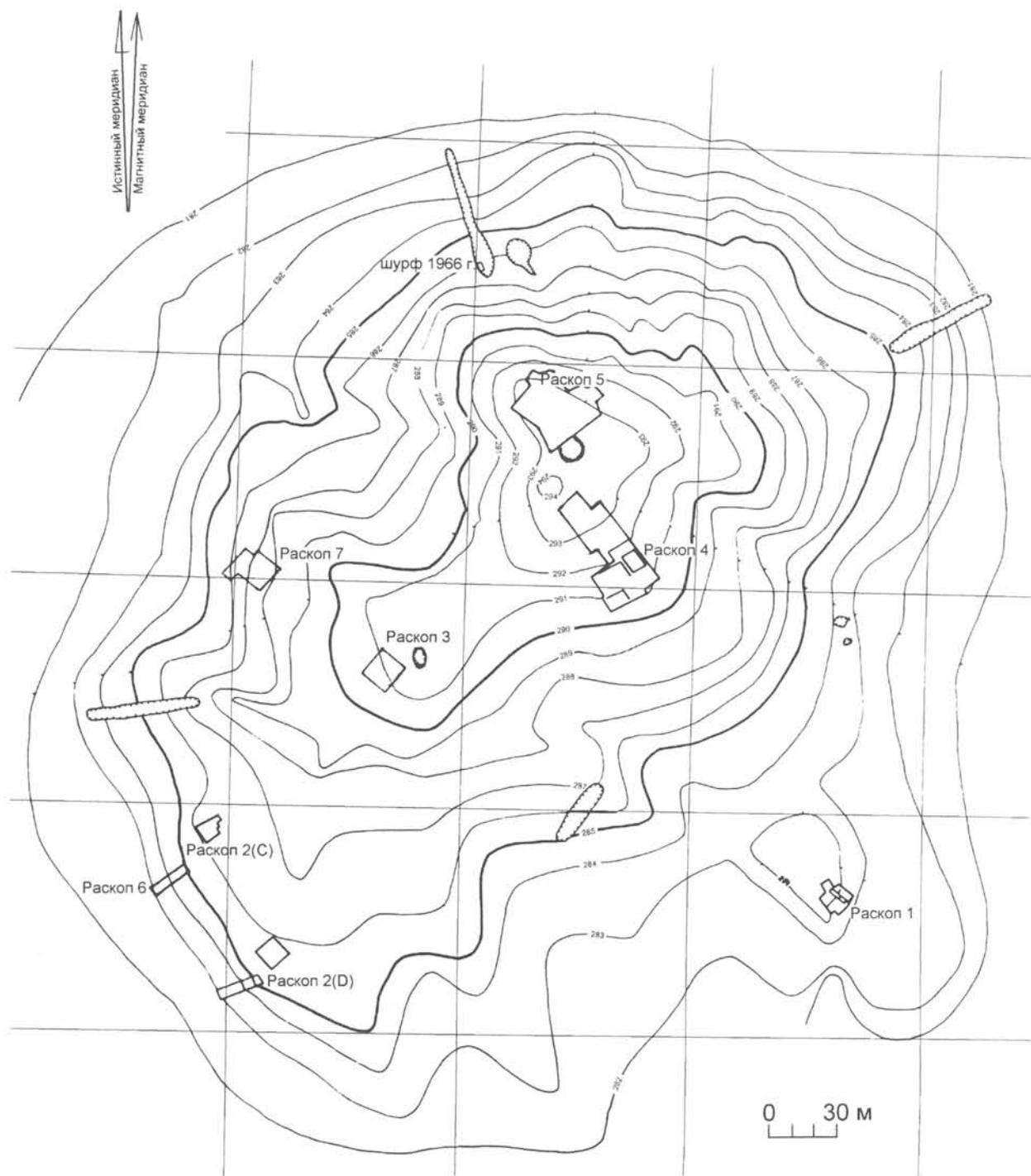

Рис. 1 Илгылы-депе. План холма с расположением раскопов 1985-1994 гг. и примерными контурами старых шурфов и траншей.

Fig. 1 Ilgınyly-depe. Plan of the hill showing excavations of 1985-94 and approximate outlines of previous trenches.

двух промазков, могло остаться незафиксированным.

Впервые подквадратные здания с внутренним выступом и черными крашеными полами были раскопаны на поселениях Геоксюрского оазиса, в частности на Ялангач-депе (Хлопин 1964: рис.9, пом. 1, 6; 1969: табл. VIII:2, пом. 1, VIII:3, пом. 1), Муллали-депе (Хлопин 1969:

табл. XVII, пом. 7, 13, 14, 26), Чонг-депе (Хлопин 1969: табл. XXI, пом. II:5), Геоксюре 9 (Хлопин 1969: табл. XXV, пом. 4, 6, 7), Геоксюре 1 (Сарианиди 1962: рис.2). Судя по раскопкам на Дашлыджи-депе (пом. 1), элементы данного планировочного канона заметны уже в период Намазга I (Хлопин 1960: рис.6, 9; 1963: табл. XVII). Отчасти они, вероятно, восходят к

Таблица 1.
Table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
38.3	V	9.1 x 8.9	47.0	ЮВ	-	12	тумба	очаг	тумба	2
58.5	IV	4.5 x 4.4	11.5	СВ	-	1	тумба	-	тумба	0
10.5	IV	5.4 x 5.0	18.0	ЮЗ	-	3	тумба	-	тумба	0
26.5	IV	7.5 x 7.1	28.0	ЮЗ	-	11	тумба	-	отсек	2
26.3	IV	9.1 x 9.0	42.0	ЮВ	2	9	тумба	печь	камера	2
12.4	III	4.0 x 3.3	11.0	ЮЗ	0	0	выступ	очаг	-	0
10.5	III	6.0 x 5.0	22.5	ЮЗ	0	?	тумба	?	тумба	0
18.5	III	6.2 x 5.2	22.5	ЮЗ	0	2	тумба	-	тумба	0
25.5	III	6.2 x 5.3	20.0	ЮВ	0	1	тумба	-	-	0
30.5	III	6.9 x 6.0	31.0?	ЮВ	3/4?	?	?	жерт.	?	?
9.5	III	7.3 x 7.2	24.0	СВ	1	1	выступ	жерт.	-	4
1.7	III	8.0 x 7.8	39.0	ЮВ	2	0?	выступ	?	камера	?
14.3	III	8.2 x 8.2	51.0	ЮВ	3	10	тумба	жерт.	отсек	2
15.4	III	8.6 x 8.5	43.0	ЮЗ	2/3?	1	тумба	очаг	отсек	2
3.1	III	9.2 x 8.8	47.5?	ЮЗ	2	?	тумба	жерт.	камера	2
34.4	II	6.0 x 5.0	21.0?	СЗ?	0?	?	выступ	жерт.	-	0
18.5	II	6.2 x 5.2	23.0	ЮЗ	2	4	выступ	жерт.	камера	0
3.4	II	6.2 x 6.0?	30.0?	ЮЗ	2/?	?	выступ	очаг	камера	0
36.4	II	6.7 x 6.7?	30.5?	СВ	2/3?	0?	выступ	?	-	0
18.3	II	8.7 x 8.1	47.0	ЮВ	2	2	выступ	жерт.	камера	2
59.4	II	9.0 x 8.5	46.5	ЮВ	4	0	тумба	очаг	камера	2
59.4	I	7.9 x 7.3	39.0	ЮВ	3	0?	?	очаг	?	3

тумба - box, очаг - hearth, отсек - cubicle, печь - stove, камера - chamber, выступ - projection, жертвенник - altar

джейтунской культуре. На более западных поселениях прикопетдагской равнины, таких как Кара-депе (Массон 1960), близких аналогий илгынлынской архитектуре нет, если не считать сходством подквадратную форму зданий и помещений.

И.Н.Хлопин и В.И.Сарианиди называли раскопанные ими крупные комплексы культурными (Сарианиди 1962; 1962а; Хлопин 1964), считая их большесемейными святилищами, иными словами, парадными помещениями домохозяйств. Опираясь на часто цитируемую в данной связи статью И.М.Дьяконова (Дьяконов 1955:28), можно предполагать, что поскольку большая семья на древнейшем Ближнем Востоке не представляла собой коллектива с четко определенной численностью и структурой и так как "частным случаем" большесемейных домохозяйств являлись домохозяйства малых семей, парадные помещения должны отражать значительные различия между хозяйствами крупными (и/или богатыми) и малыми (и/или бедными). Именно такая картина стала вырисовываться по мере развертывания работ на Илгынлы-депе, когда между зданиями квазихрамового облика и строениями, практически лишенными неутилитарных черт, обнару-

жились разнообразные варианты переходов от одних к другим. Варьируют в широких пределах и размеры зданий: комплекс 26.3 (82 кв.м) более, чем шестикратно превосходит по площади комплекс 12.4 (13 кв.м).

В табл. 1 представлены важные признаки, позволяющие судить о размерах и общей конфигурации архитектурных комплексов, которые рассматриваются по строительным горизонтам. В пределах одного горизонта комплексы размещены в таблице 1 в порядке возрастания их размеров. Площади построек округлены до 0,5 кв.м, их линейные размеры даны в метрах; площадь строений, возможно или вероятно относящихся к тому же домохозяйству, что и главный комплекс, но имеющих самостоятельные выходы во двор, в общую площадь не включена. Обозначения "правый" — "левый" соответствуют позиции наблюдателя, стоящего перед входом в здание лицом к нему.

В столбцах таблицы 1 указаны следующие характеристики.

1) Номер комплекса. 2) Строительный горизонт (без уточнений типа *начало*, *конец* и т.п.). 3) Примерные размеры главного комплекса (в комплексе 9.5 не учитываются размеры камеры, выступающей за пределы подквад-

Рис. 2 Сравнительная планировка парадных комплексов Илгынлы-депе.

Fig. 2 Comparative layout of the main rooms at Ilginly-depe.

ратного контура). **4)** Площадь парадного помещения. **5)** Стена, в которой расположен вход. **6)** Число скамей (глиняных, а в 26.3 деревянных) внутри парадного помещения. **7)** Число стоящих на полу или упавших на него крупных хозяйственных сосудов (хумов) или ямок для их установки. **8)** Тип конструкции слева от входа в помещение (тумба, либо выступ стены). **9)** Тип очага: “жерт.”: расположенный в полу левой ближней четверти парадной комнаты (напротив тумбы, если она есть), круглый очаг-жертвенник в виде обмазанного глиной диска диаметром около 1 м, в центре которого находится ямка-жаровня, поверхность диска понижается от его краев к ямке; “очаг”: расположенный там же, но неоформленный (без обмазан-

ного глиной диска) очаг-ямка; “печь”: сырцово-каменная отопительная печь у тумбы; **10)** Оформление левого ближнего угла комнаты: “тумба” — глухая камера, доходящая до левой боковой стены комнаты; “камера” — участок отделенный от помещения стеной с лазом, порожек и т.п.; “отсек” — пол в пределах участка за тумбой, являющийся продолжением пола комнаты; участок может быть также не выделен (знак “-”). **11)** Наличие и число узких камер, обрамляющих противоположную входу (в комплексе 9.5 также правую от входа) стену парадной комнаты.

Существует ряд признаков, характеризующих лишь некоторые из комплексов. Это: **12)** Широкий проем между парадной комнатой и

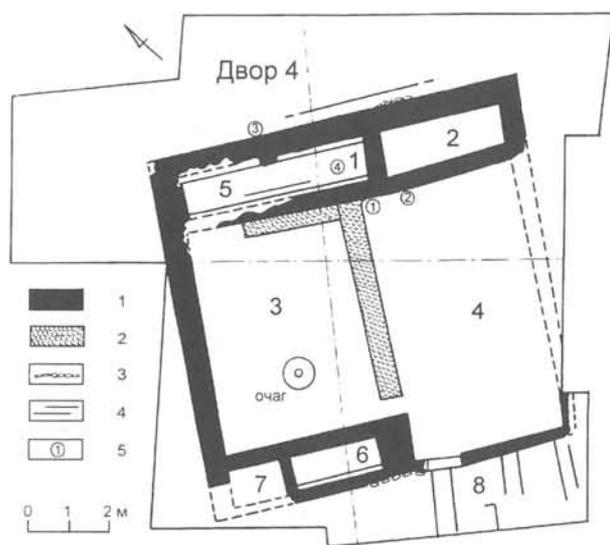

Рис. 3 Раскоп 1, план.

Fig. 3 Excavation 1, plan.

правой из узких камер (26.3, 38.3, 9.5, 26.5). Он находится не ниже 50 см над уровнем пола в главном помещении. **13)** Скопление объектов ритуального характера на полу комнаты перед проемом (26.3, 26.5). **14)** Пол правой из двух узких камер, примыкающих сзади к парадной комнате, находится на несколько десятков сантиметров ниже пола левой камеры (26.3, 38.3, 15.4, 59.4, 26.5). **15)** Открытый через проем в сторону парадного помещения окрашенный черной краской подиум, существовавший на более позднем этапе функционирования комплекса на месте правой из узких камер (26.5, 38.3). **16)** Подквадратная в плане сырцовая конструкция в углу парадной комнаты справа от входа (9.5, 18.5, 58.5). **17)** Расписной и рельефный декор определенного типа на стене тумбы (14.3, 26.3, 38.3, 26.5, 58.5 и, видимо, 10.5). В нижней части стен на высоте 10-15 см от пола штукатурка имеет скос внутрь и окрашена черным. Выше на широкой поверхности тумбы имеются два вертикальных выступа. Левый из них (если обратиться к тумбе лицом) узкий, подтреугольный в сечении, а правый — широкий и прямоугольный в сечении. Оба выступа соединены третьим, горизонтальным (точнее как бы провисающим вниз), однако эта последняя деталь расположена высоко над полом и о ее наличии обычно трудно судить. **18)** Каменный женский идольчик, либо (замещающие его?) продолговатый камень или сырцовый кирпич, вкопанный в пол парадной комнаты напротив входа; камень или статуэтка всегда установлены не фронтально, а под углом к порогу (9.5, 10.5, 12.4, 26.5, 59.4; смотри также данные по комплексу 55.5, который рассматривается вместе с 18.5). **19)** Сырцовая конструк-

ция в левой из боковых камер вдоль ее продольной оси (38.3, 26.5, возможно, 15.4 и 59.4). **20)** Вмазанная в пол и в стены чаша слева от входа, в том углу, где тумба примыкает к стене (10.5, 58.5). **21)** Чаша-жаровня вместо простой ямки в центре очага-жертвенника (9.5, 30.5). **22)** Фрагменты тонкостенной керамики в самом верху заполнения тумбы; они в основном концентрируются у ее северо-западной торцевой стены, но перестают встречаться в средней части заполнения тумбы. Этот признак зафиксирован в трех соседних комплексах раскопа 5: 26.5, 58.5 (где глина, с которой смешаны черепки, носила следы огня) и 10.5.

Краткое описание архитектурных комплексов.

Комплекс 38.3, горизонт V (рис. 9–11), самый ранний из изученных на конец сезона 1994 г. и один из самых крупных на памятнике. Его площадь достигает 47,0 кв. м, а площадь всего домохозяйства, включавшего, помимо парадной комнаты 38, два подсобных помещения — 37 и 39, парадный — 44 и хозяйственный — 42 дворы, превышает 120 кв. м. (рис. 11). Как и все поздние комплексы раскопа 3, это домохозяйство отделено на северо-востоке узкой улочкой от других строений, уходящих за пределы раскопанной площади (рис. 11). Очевидно такая же улочка проходила к северо-западу от комплекса в той части раскопа, где культурные слои остались не исследованными. На юго-западе граница домовладения практически совпадает с краем раскопа, а на юго-востоке уходит за его пределы. За время своего существования весь блок строений перенес один капитальный ремонт со значительными перестройками в большинстве помещений и семь, судя по количеству слоев штукатурки на стенах парадной комнаты, косметических. Возможно, что ремонт парадной комнаты 38 и хозяйственного двора 42 проводился в разное время. К моменту написания статьи парадный двор на уровне раннего этапа горизонта V не раскопан.

В парадное помещение 38 (рис. 11), до и после ремонта, можно было попасть из парадного двора 44 через дверной проем в юго-восточной стене комнаты. Слева от входа к юго-восточной и юго-западной стенам помещения 38 была пристроена тумба, сохранившаяся на высоту около 0,4 м. Ее боковая поверхность и фасад были тщательно оштукатурены и имели примерно в 0,2 м от пола горизонтальный рельефно-декоративный выступ, над которым на фасаде находились вылепленные из чистой глины два миниатюрных декоративных пилястра (ближний ко входу имел треугольное сечение, дальний — прямоугольное). От пола до выступа тумба была выкрашена в черный цвет, а выше выступа — в белый. Внутри тумбы стоял

радной комнаты 38 проход шириной около 0,5 м вел в помещение 37, полы которого также были промазаны глиной и выкрашены черной краской (свита промазок достигает в углах толщины 0,2 м). Сохранившаяся на стенах штукатурка несет следы сильного воздействия огня.

Подсобная камера 39 (рис. 11) — полуподвальное помещение с утопанным полом — располагалась восточнее комнаты 37, вдоль северо-западной стены основного комплекса. На стенах помещения 39 нет следов штукатурки и/или краски. В его западном углу на полу была найдена новая керамическая форма для отливки проушного топора-тесла. С северо-восточной стороны помещения 39, на одной линии с внешней стороной платформы парадной комнаты, была возведена невысокая узкая оштукатуренная стена. Между ней и внешней северо-западной стеной комплекса находился дверной проем.

Открытый хозяйственный двор 42 (рис. 11), попасть в который можно было из парадного двора 44, имел промазанный глиной пол и три (юго-западная, юго-восточная, северо-восточная) оштукатуренные стены. Неподалеку от входа к юго-западной стене двора 42 была пристроена невысокая платформа-суфа из глины и большого количества фрагментов керамики. Начинаясь у самого входа (а возможно и в парадном дворе) желоб водостока тянулся, слегка изгибаясь, через весь двор до его северо-западной стены, где четыре вертикально вкопанных камня ограничивали устье водостока. Вся поверхность двора имела небольшой наклон в сторону стены, в которой имелось отверстие для стока воды. Около северо-западной стены были вкопаны в пол по венчик два кухонных горшка, а перед ними находилась неглубокая очажная ямка.

После капитального ремонта уровень пола в парадном помещении 38 (рис. 10) был поднят в среднем на 10-12 см. При входе в комнату появился невысокий глиняный порог. В ее полу, вдоль юго-западной стены и платформы у северо-восточной стены были сделаны соответственно пять и шесть неглубоких ямок для хумов. Еще одна ямка была вырыта у северо-западной стены помещения 38. Прежняя очажная ямка была засыпана и замазана глиной вместе с поверхностью пола. Неподалеку от того места, где раньше горел огонь, ближе к центру комнаты, в ее полу, сделали углубление, в которое положили большой камень и, обмазав его с боков глиной, получили основание круглой конструкции (алтаря?). Ее боковая поверхность была выкрашена в черный и красный цвета. Слева от алтаря выкопали новую очажную ямку.

По длинной оси подсобного помещения 37

во время ремонта была возведена узкая длинная, сохранившаяся в высоту примерно на 0,6 м, ячеистая конструкция, сделанная из необожженной глины с примесью органики. Одним торцом это необычное сооружение, в основание которого уложили ряд сырцовых кирпичей, было пристроено к северо-восточной стене помещения 37. В верхней части конструкции были сделаны 14 ячеек разной формы и глубины. Боковые поверхности сооружения и его ячейки были тщательно обмазаны глиной.

Хозяйственный двор 42 (рис. 10) также претерпел капитальный ремонт, после которого была вдвое сокращена длина находившегося здесь водостока. Его устье перенесено правее и выше, а вымощенный битой керамикой пол двора поднят примерно на 0,15 м, перекрыв длинную платформу у юго-западной стены, а также вкопанные в пол горшки и расписной хум. В северном углу двора после ремонта была сложена одноярусная двухкамерная прямоугольная печь, в пол вкопаны и обмазаны глиной по венчик 6 горшков, а посередине двора вкопан камень треугольной формы со следами подтески, игравший, возможно, ту же роль, что и каменные женские статуи. Второй камень, меньших размеров, вкопанный в парадном дворе 44 напротив входа во двор 42, находился на одной оси с первым, перпендикулярно ему. Вход в хозяйственный двор 42 имел невысокий глиняный порог. Справа от входа находился подпятник.

Пол крытого парадного двора 44 на позднем этапе горизонта V неоднократно промазывали глиной и покрывали черной краской (лишь при последнем косметическом ремонте часть двора была вымощена битой керамикой). Стены парадного двора оштукатурены, к его юго-западной стене пристроен стул из сырцовых кирпичей и необожженной глины (рис. 10). Перед стулом и справа от него в полу сделаны две предназначенные для установки сосудов лунки с бортиками из глины. Посередине двора сохранилось основание прямоугольной сырцовой конструкции, вероятно, являвшейся опорой для перекрытия. Ее боковые поверхности оштукатурены и выкрашены в черный цвет.

На последнем этапе существования комплекса 38.3 уровень пола в полуподвальном помещении 39 (рис. 9) был поднят благодаря его частичной засыпке на 0,5 м и оказался на 0,3 выше, чем пол в главном помещении 38, куда открывалась комната 39 через проем в ее юго-восточной стене. Поверхность пола перестроенного помещения 39, а также горизонтальная и боковые поверхности его проема были оштукатурены и покрыты черной краской. Периодически перекрываемый слоями штукатурки с черной краской уровень пола помещения 39

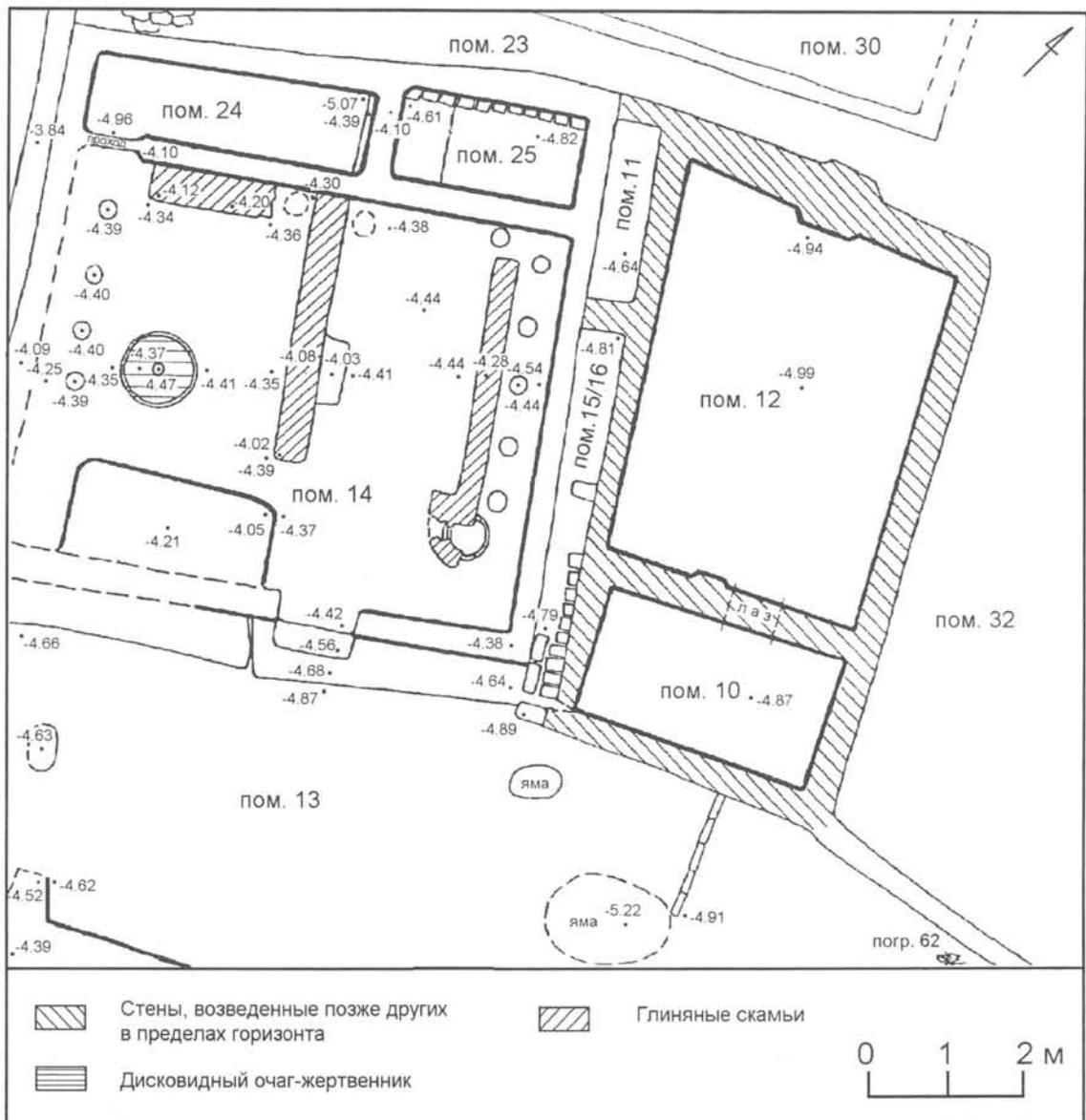

Рис. 5 Раскоп 3, горизонт III, план.

Fig. 5 Excavation 3, level III, plan.

постепенно нарастили еще на 20 см, образовав открытый в сторону парадной комнаты “подиум”, возвышавшийся примерно на 0,5 м над уровнем ее пола (на рис. 9 — помещение 29).

На этом же этапе незначительные изменения претерпевает парадное помещение 38. Справа от входа в него на пол установили пяточный камень для вращающейся двери, обмазав его вместе с поверхностью пола глиной и выкрасив с боков в черный цвет. Очажную ямку перекрыли тремя тонкими плитами самана, а круглую сырцово-каменную конструкцию (алтарь?) — тремя другими камнями, которые вновь были обмазаны с боков глиной и выкрашены у пола в черный цвет, а выше — в красный.

Оставление комплекса 38.3 сопровождалось ритуалами. Уникальная архитектурная деталь в форме протомы быка была найдена в помеще-

нии 38 на слое штукатурки перед подиумом. Вероятно, первоначально скульптура стояла слева в проеме, а затем была сброшена вниз. Основу детали составляли сырцовые кирпичи, обмазанные глиняной массой, которой были приданы очертания стилизованной фигуры быка. Небольшие глиняные рога были отбиты при падении. Поверхность скульптуры неоднократно покрывалась черной краской. На правом боку фигуры по последнему слою краски был нанесен резной орнамент (техника сграффито) в виде восьми расположенных друг над другом извивающихся белых змей.

У северного угла тумбы на полу парадной комнаты 38 были намеренно оставлены медные изделия: обломок ножа, наконечник дротика и уникальный для энеолитических памятников Ближнего Востока IV тыс. до н.э. проушной топор-тесло (Solovyova et al. 1994: fig. 1:4,19).

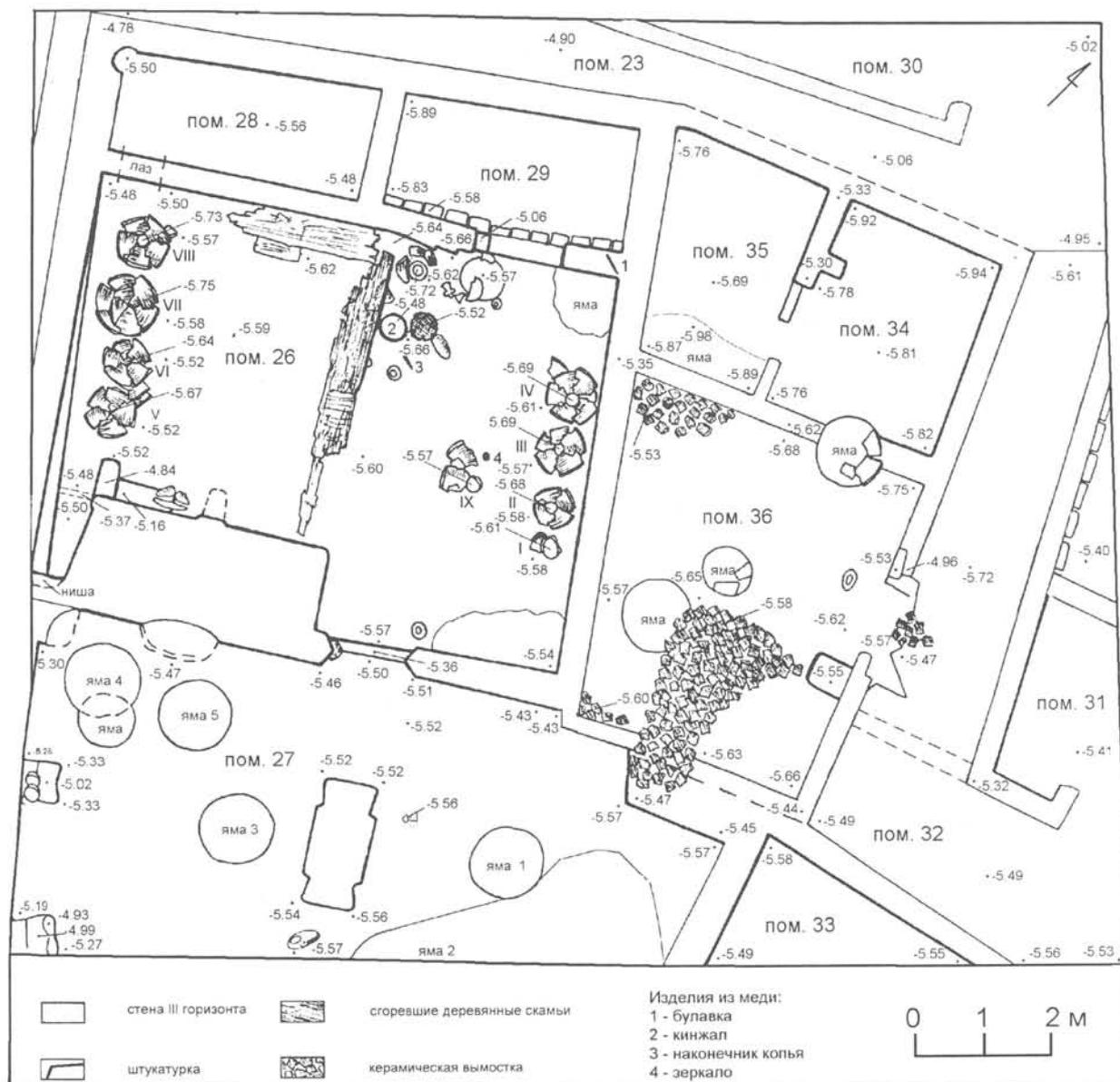

Рис. 6 Раскоп 3, горизонт IV, план.

Fig. 6 Excavation 3, level IV, plan.

Рядом с медными предметами была положена верхняя часть терракотовой женской статуэтки ялангачского времени. Пол парадного помещения был засыпан глиной с пеплом и устлан кусками штукатурки. Архитектурные детали (кроме протомы быка и верхней части алтаря) были намеренно разрушены, вход в комнату заложен сырцовыми кирпичами, в центре помещения был разведен костер, а затем весь комплекс 38.3 забутовали двумя рядами сырцовых кирпичей, взятых, видимо, из его же стен.

Комплекс 26.3, относящийся к горизонту IV (рис. 6—8), был возведен над “погребенным” комплексом 38.3 и несколько уступал ему в размерах (около 42 кв. м). Новое домохозяйство включало крытый парадный двор 27, два подсобных помещения 28 и 29, две жилые (?) комнаты 34, 35 и хозяйственный двор 36. Располо-

жение внешних стен и дверных проемов комплекса, а также его ориентация в пространстве практически полностью совпадают с аналогичными характеристиками предшествующего блока строений.

Детали внутреннего убранства раннего периода бытования комплекса 26.3 не сохранились. Вход в его парадную комнату имел сырцовое крыльцо в одну ступеньку и округлые косяки дверного проема (рис. 8: горизонт IV-Б).

На раннем этапе к юго-восточной стене парадного двора 27 был пристроен сырцовый стул (рис. 8), а сырцовое крыльцо в одну ступеньку перед входом в хозяйственный двор 36 имело значительную длину.

После капитального ремонта уровень пола во всех помещениях был поднят на 0,2 м (рис. 6). После перестройки изменилось также офор-

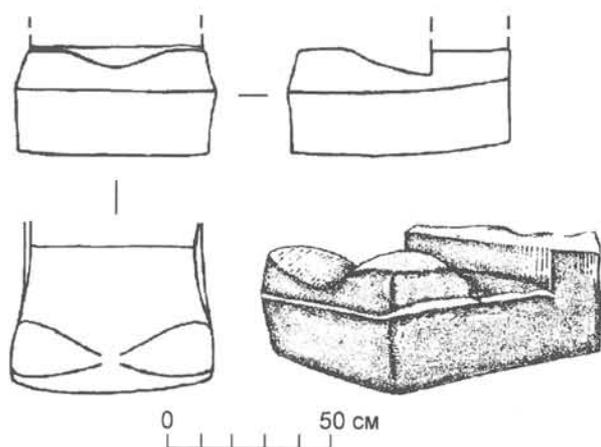

Рис. 7 Раскоп 3, горизонт IV, помещение 27, сырцовый стул.

Fig. 7 Excavation 3, level IV, room 27, adobe chair.

вление входа в парадную комнату 36: крыльцо перед входом было перекрыто новым полом; появился овальный порог из сырцовых кирпичей, окрашенных в черный цвет; справа от входа в пол вмазали каменную ступку, служившую подпятником; оштукатуренные косяки дверного проема приобрели треугольную форму; в парадном дворе 27 количество сырцовых стульев (рис. 7) увеличилось до 2, а крыльцо перед входом в хозяйственный двор 36 уменьшилось почти в два раза.

На позднем этапе существования комплекса его стены, сохранившиеся на высоту немногим менее 1 м, были оштукатурены. На высоте около 0,2 м от пола они имели горизонтальный рельефный выступ и были окрашены (за исключением небольшого участка северо-западной стены) от пола до выступа в черный, а выше выступа — в белый цвет. Пол и порог парадной комнаты 26 неоднократно покрывали черной краской. Толща промазок пола превышает 0,15 м. Внутри помещения находились обугленные остатки двух деревянных окрашенных красной краской скамеек. Одна из них располагалась вдоль северо-западной стены, другая — разделяла комнату на две части. Параллельно ей вдоль северо-восточной и юго-западной стен стояли в лунках восемь (по четыре у каждой стены) расписных хумов с зерновкой ячменя.

В северо-западной стене помещения 26 напротив входа на высоте около 0,5 м сохранилась нижняя часть широкого проема. Участок стены под проемом, заключенный между вертикальными декоративно-рельефными выступами, не имел горизонтального ребра и на всю высоту был выкрашен в черный цвет. Поверх последнего слоя краски на стену был нанесен резной

орнамент, состоящий из трех рядов (по восемь в каждом) белых кругов на черном фоне.

На полу у стены с росписью находился сырцовый диск (диаметром 0,6 м), возможно, служивший алтарем. На нем лежал расписной сосуд, диаметр венчика которого совпадает с диаметром кругов на росписи. Слева от диска в лунке с сырцовым бортиком стоял небольшой расписной хум. Две расписные миски лежали на полу перед алтарем. Рядом с одной из них были поставлены две большие стилизованные антропоморфные статуэтки из необожженной глины, изображающие стоящих людей. Между алтарем и скамьей находились остатки двух предметов, напоминающих круглые основания колонн, причем один из них сделан из ствола дерева, а другой из необожженной глины, смешанной с угольками и обломками керамики. Оба предмета выкрашены с боков красной краской. Рядом лежали каменный сосуд и обломок зернотерки.

Значительную часть левой половины комнаты 26 занимала пристроенная к ее юго-восточной стене тумба, имевшая такой же рельефно-расписной декор, как и стены комплекса. На фасаде тумбы был вылеплен прямоугольный пилястр. К ее западному углу пристроен декорированный контрфорс. Между ними находилась небольшая прямоугольная печь из сырца и камня с топкой, поддувалом и остатками провалившегося дымохода. Верхняя и боковая поверхности печи были выкрашены в красный цвет. На ней стояла скульптура женщины. Голова изваяния, сделанного из белого песчаника, была отбита.

В южном углу помещения 26 за тумбой устроена узкая глубокая камера, отгороженная от комнаты невысоким овальным порогом. Сохранившаяся часть юго-западной боковой стены тумбы полусводом нависала над камерой. На черном полу камеры лежали рог быка, камень и сосуд.

Из комнаты 26 в подсобное помещение 28 вел лаз (0,6 x 0,4 м), сделанный в западном углу парадной комнаты (как попадали в полуподвальное помещение 29, пол которого в горизонте V был поверхностью "подиума", осталось неясным). Полы и длинные стены подсобных помещений 28 и 29 были оштукатурены и выкрашены в черный цвет. В западном углу помещения 28 в небольшой округлой нише лежал череп джейрана.

Стены крытого парадного двора 27 имели такой же рельефный декор, как и стены парадной комнаты 26. Поверхность двора многократно промазывали глиной, а на позднем этапе его существования покрывали черной краской. В центре двора напротив входа в парадную комнату 26 находилось основание прямоугольной

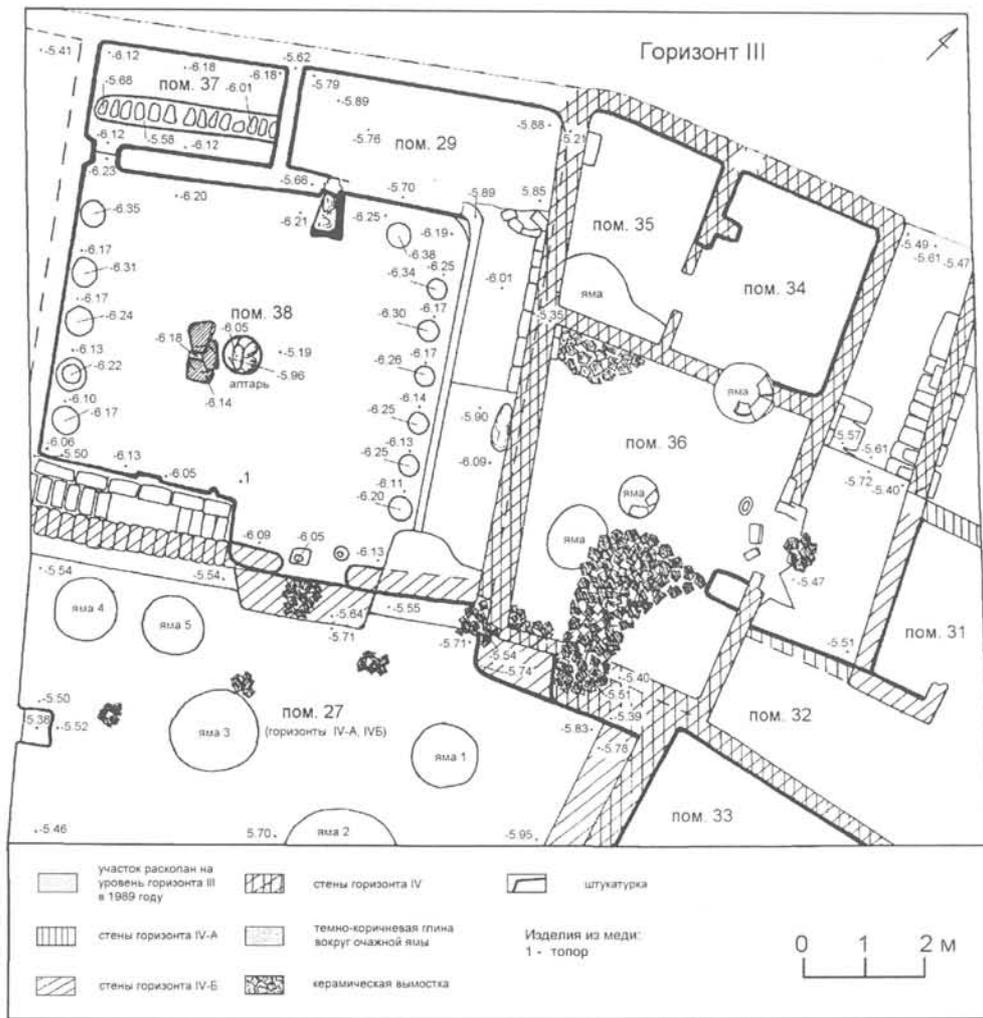

Рис. 9 Раскоп 3, горизонты IV, IVA, IVB, V, план.

Fig. 9 Excavation 3, levels IV, IVA, IVB, V, plan.

Комплекс 14.3, горизонт III (рис. 5) — следующее по времени существования после комплекса 26.3, самое крупное ритуальное сооружение на раскопе 3. Площадь парадной комнаты 14 составляет 51 кв.м. Помимо парадной комнаты 14, домохозяйство включало два подсобных полуподвальных помещения 24 и 25 и парадный двор 13. Что касается строений раннего периода, расположенных за северо-восточной стеной помещения 14 (жилые — 10, 12 и подсобные — 11, 15/16), то они конструктивно не связаны с комплексом, и судить об их принадлежности к домохозяйству можно лишь по аналогии с ранними ритуальными сооружениями. Ориентация помещений в пространстве и расположение входа в комплекс 14.3 повторяют особенности планировки более ранних домохозяйств.

Парадная комната 14 была выстроена на платформе, возвышающейся на 0,5 м над уровнем пола двора 13. Перед входом в помещение 14 было сооружено массивное крыльцо в две ступени из обмазанных глиной сырцовых кирпичей. Нижняя широкая ступень, состоявшая

из двух частей, сделана на всю длину юго-восточной стены помещения 14; верхняя — равна по ширине его дверному проему.

Плохо сохранившиеся стены комплекса 14.3 многократно оштукатурены и выкрашены (кроме юго-западной стены) в черный цвет. Черными были и многочисленные промазки пола, в котором вдоль северо-восточной и юго-западной стен сделаны, соответственно, пять и четыре углубления для сосудов. Еще одна такая же ямка находилась между северо-западной стеной и торцом самой большой скамьи, выстроенной вдоль северо-восточной стены комнаты 14. Две другие скамьи, стоявшие в этом же помещении, располагались как и в комплексе 26.3. Все скамьи сделаны из сырцовых кирпичей, обмазанных толстым слоем глины. Из глины же вылеплены края сидений и ножки скамей. Пространство между ножками скамей было выкрашено в черный цвет, а сами ножки и сиденья — в красный. Юго-восточный торец правой (по отношению к входящему) скамьи полукольцом охватывал венчик вкопанного в пол расписного хума. К центральной скамье

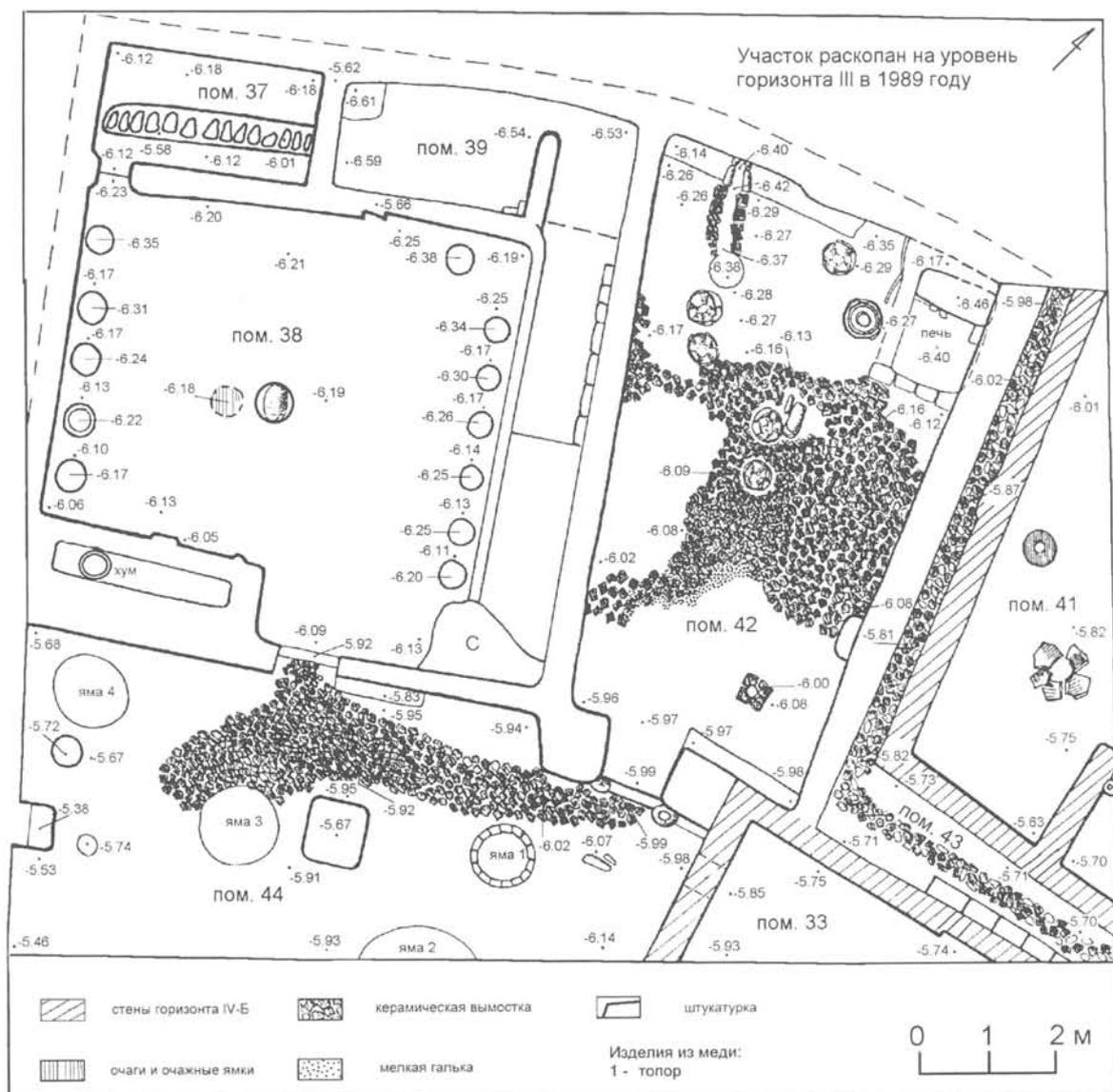

Рис. 10 Раскоп 3, горизонты V, VA, VB, план.

Fig. 10 Excavation 3, levels V, VA, VB, plan.

была пристроена оштукатуренная с боков прямоугольная конструкция из сырцовых кирпичей, вероятно, служившая опорой для перекрытия.

Слева от входа у юго-восточной стены помещения 14 находилась прямоугольная тумба. Ее фасад и боковые поверхности были оштукатурены и выкрашены на всю сохранившуюся высоту в черный цвет. Рельефный декор на тумбе и стенах помещений отсутствовал. Тумба была сконструирована из мусора и кусков штукатурки с рельефно-расписным декором.

В центре левой половины комнаты 14 находился дисковидный очаг-жертвенник с обмазанной глиной лункой и бортиком, окрашенным снаружи черной краской. Высота очага достигала 0,12 м. В западном углу помещения 14 сохранилась нижняя часть прохода (лаза?) ведущего в подсобные помещения 24 и 25. Перед лазом располагался высокий овальный порог.

Стены помещений были оштукатурены и окрашены так же как и полы в черный цвет. В порог были вертикально воткнуты кости конечностей мелких парнокопытных животных.

Под верхним полом парадной комнаты 14, у ее юго-западной стены (ближе к западному углу) были найдены лежащие вместе 11 небрежно вылепленных изделий из необожженной глины с отверстиями в центре (буллы?).

Поверхность парадного двора 13 многократно промазывали чистой глиной. В его юго-западной части сохранилось основание овальной сырцовой конструкции, боковая поверхность которой как и стены двора была оштукатурена.

Перед оставлением комплекса 14.3 скамьи были тщательно укрыты снятой со стен штукатуркой, на пол положены верхняя часть терракотовой женской статуэтки и шесть пряслиц, после чего все помещение было забутовано

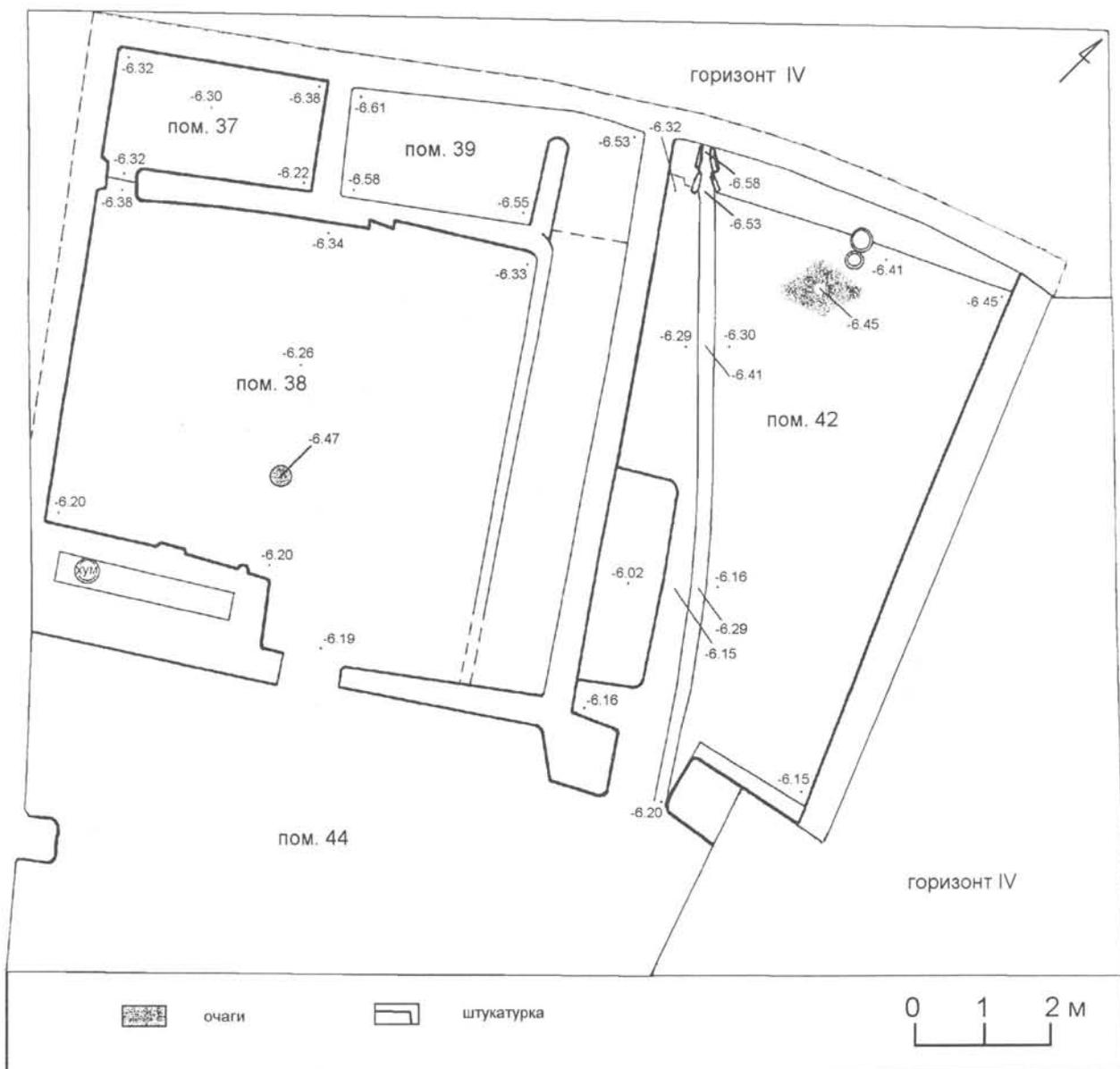

Рис. 11 Раскоп 3, горизонты VA, VB, план.

Fig. 11 Excavation 3, levels VA, VB, plan.

двумя рядами кирпичей, взятыми из его же стен.

Комплекс 18.3, горизонт II (рис. 4) — самый верхний и хуже всех сохранившийся. Площадь парадной комнаты 18 составляет 47 кв.м. О планировке домохозяйства, частью которого являлся комплекс 18.3, судить затруднительно, поскольку находившаяся на месте парадного двора более поздняя мусорная яма, уничтожила строения, а помещения, расположенные к северо-востоку от комплекса 18.3, подверглись значительной перестройке (была разобрана даже северо-восточная стена парадной комнаты). Домохозяйству принадлежали лишь подсобные помещения 19 и 20. Возможно, что аналогич-

ные помещения были выстроены на раннем этапе существования комплекса вдоль его юго-восточной стены, где сохранились остатки кладки высотой в полкирпича. Стены парадной комнаты 18 возведены практически на стенах более нижнего здания 14.3.

Вход в помещение 18 по традиции находился в юго-восточной стене комнаты, но из-за плохой сохранности ничего нельзя сказать о его оформлении. Пол в парадном помещении имеет черный цвет, толщина его промазок составляет более 0,1 м. Углублений в полу не обнаружено. Сохранившиеся неоднократно оштукатуренные стены помещения 18 не имели рельефного горизонтального ребра и были ок-

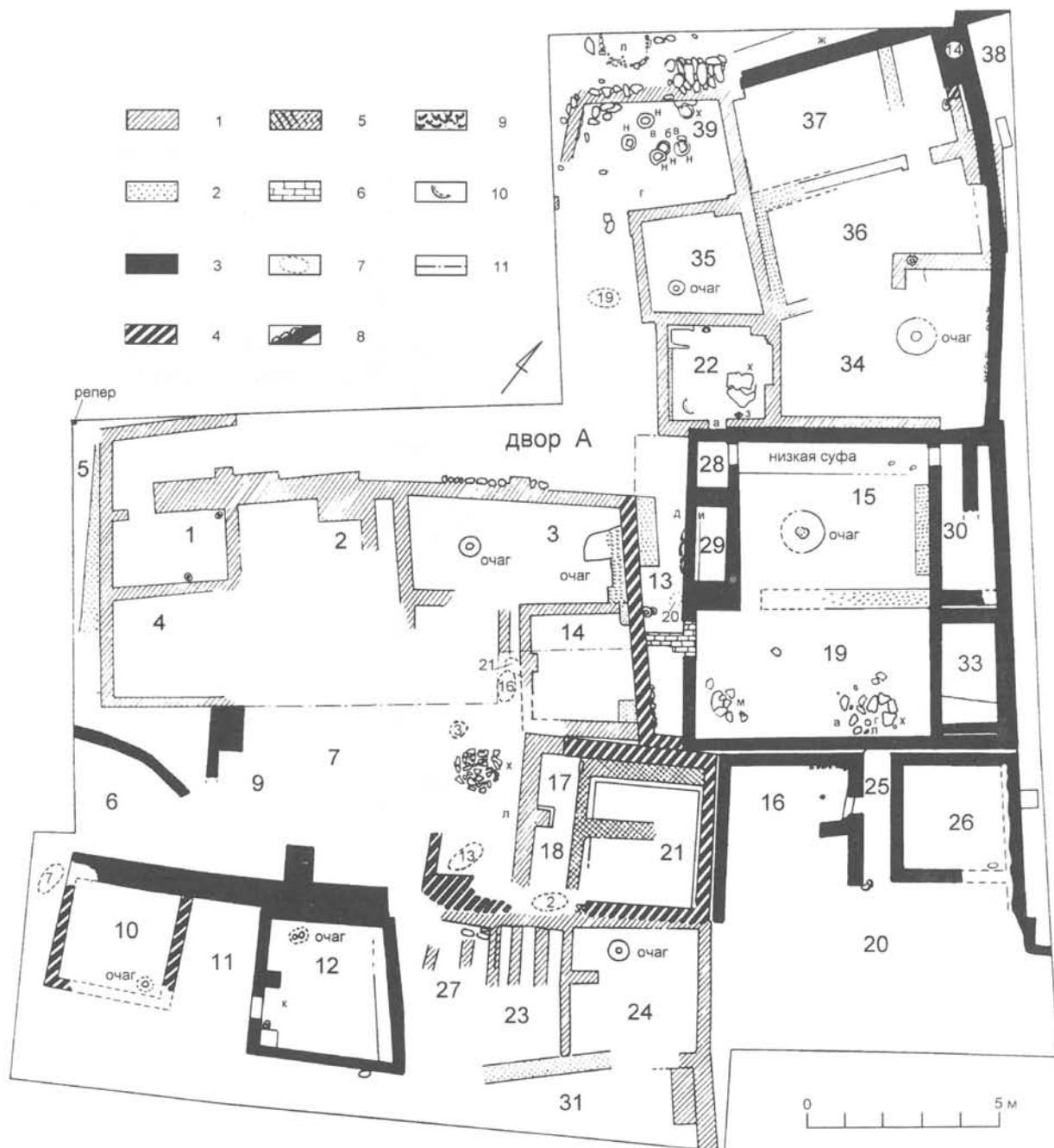

Рис. 12 Раскоп 4. Горизонты I—III. Юго-восточная часть. План. Заливкой обозначены стены горизонта III, штриховкой — более поздние стены. Останец третьей скамьи в комплексе 15/19 не показан. Более ранние и более поздние стены горизонта II в помещениях 3, 14, 22, 34, 35, 38 не разделены.

Fig. 12 Excavation 4, southeastern part, plan. Walls of level III are shown black, later walls are hatched. The remains of the third bench in complex 15/19 is not shown. Earlier and later walls of level II in rooms 3, 14, 22, 34, 35, and 38 are not separated.

рашены лишь по первому слою штукатурки: на высоте примерно 0,1 м от пола по всем стенам проходила черная полоса шириной 0,15-0,2 м, над которой на северо-западной стене местами прослежена узкая (0,01 м) полоска красной краски.

Слева от входа в парадную комнату 18 прослежено основание мощного квадратного контрфорса юго-восточной стены со штукатуркой и расписным декором, аналогичным настенному. Вероятно, контрфорс держал основ-

ную тяжесть перекрытия. Из юго-восточной стены помещения 18 выступал миниатюрный прямоугольный пилеастр, а из юго-западной стены — два таких же пилеастра. На северо-западной стене комнаты находился вертикальный декоративный выступ.

Красная глиняная скамья, протянувшаяся от северо-западной стены до контрфорса при входе, разделяла помещение 18 на две части. Вдоль северо-западной стены комнаты находилась вторая скамья, расположенная под пря-

мым углом к первой. Обе скамьи имели рельефно-расписной декор, аналогичный декору скамьи комплекса 14.3. Справа у центральной скамьи стояли два расписных хума. По углам скамеек в левой половине комнаты 18 в пол были вмазаны два каменных сосуда, у которых намеренно пробили донца.

В левой половине помещения 18 в полу был сооружен большой сырцовый дисковидный очаг-жертвенник с ямкой в центре и бортиком. Его диаметр составлял 1,5 м. В южном углу парадной комнаты 18 на уровне нижнего пола была отгорожена камера (1,2 м x 1,1 м) с узеньким входом и миниатюрным каменным подпятником возле него. Камера имела невысокие оштукатуренные стенки. На позднем этапе существования комплекса она была заложена кирпичами.

На стенах и полах узких подсобных помещений 19 и 20 нет следов штукатурки или краски. Лишь стены отгороженного невысоким порогом отсека в западном углу комплекса были оштукатурены. Проход, из отсека в помещение 19 на позднем этапе существования комплекса заложен и оштукатурен снаружи. Площадь помещения 20 была уменьшена за счет переноса его северо-восточной стены, но, возможно, эта перестройка была связана с сооружением помещения 1, когда описываемый комплекс уже не существовал.

На полу парадной комнаты 18 была найдена верхняя часть терракотовой женской статуэтки. Еще одна, целая, стилизованная статуэтка, изображающая сидящую женщину, была найдена под юго-восточной стеной помещения 20. У центральной скамьи лежали две медные проколки и обломок медного ножа (Solovyova et al 1994: fig.2-9,17). Перед оставлением комплекса 18.3 его скамьи были укрыты кусками штукатурки, а помещение забутовано кирпичами и засыпано мусором.

Комплекс 58.5 относится к горизонту IIБ раскопа 5, соответствующему горизонту IVA раскопа 3 (рис. 17). Постройка является одним из самых маленьких домовладений. Его площадь составляет 18 кв.м. На юго-востоке здание ограничено стеной улицы. Часть юго-западной стены комплекса 58.5 одновременно является северо-западной стеной комплекса 10.5. Выход из помещения 58 вел на северо-восток во двор 61. Северо-восточная часть двора и дополнительные помещения того же домохозяйства (если они были) не раскопаны. Если предположить, что в горизонте IV улица проходила примерно там же, где и в горизонте III, общая площадь домохозяйства, возможно, составляла 80-90 кв.м. В расчищенной части двора 61, главным образом, перед ступенью, ведущей в дом, имеется вымостка из тонкостенных черепков

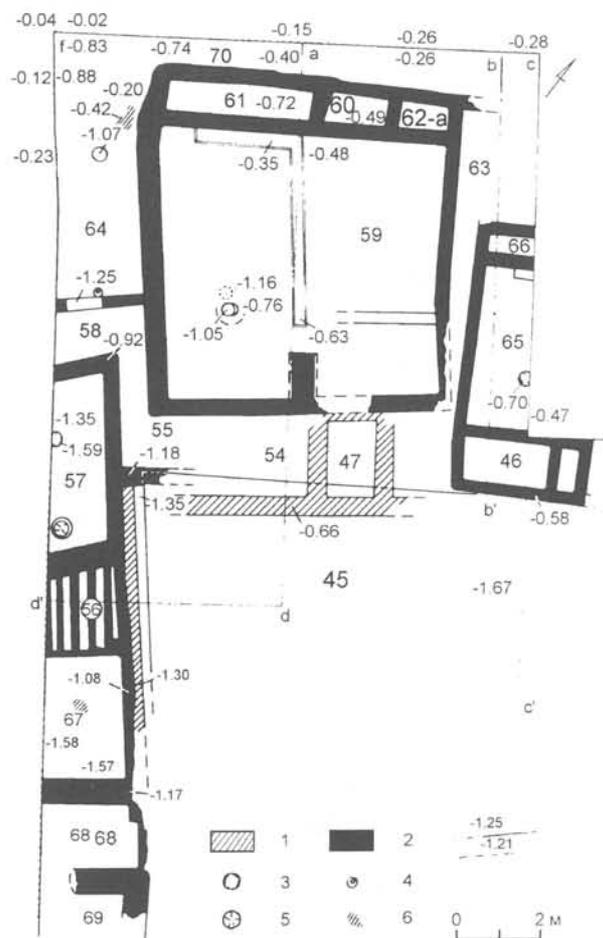

Рис. 13 Раскоп 4. Северо-западная часть. План горизонта I. Заливкой обозначены более ранние, штриховкой — более поздние стены.

Fig. 13 Excavation 4, northwestern part. Plan of level I. The earlier walls are shown black, the later ones are hatched.

керамики. Между стеной, отделяющей это домохозяйство от постройки, примыкающей к нему с северо-запада, и самим зданием 58.5 находится узкое междудомное пространство 62. В нем найдены крупные фрагменты керамики, каменные орудия и три "подставки для очага".

Стены помещения 58 несколько раз покрывали новыми слоями штукатурки и черной краски. На стене дома, обращенной к улице, следов краски не найдено. Черное покрытие сохранилось на внешней поверхности участка стены, обращенной во двор. В правом от входа углу помещения 58 находилась прямоугольная конструкция (100 x 85 см), примыкавшая к северо-западной стене (признак 16). Она была сложена из кирпичей, поставленных на ребро и ориентированных по оси северо-запад — юго-восток. Эта конструкция возвышалась не менее, чем на 30 см от пола. Снаружи и местами внутри (желоб между двумя рядами кирпичей)

она была окрашена в черный цвет. Несмотря на небольшие размеры, здание 58 имело такую же тумбу с декором по штукатурке (признак 17), как и в более просторных парадных комплексах горизонтов IV и V (рис. 18). В верхней части заполнения тумбы обнаружено скопление мелких фрагментов тонкостенной керамики (признак 22).

Помимо остатков хума, установленного в ямке, вырытой в полу неподалеку от западного угла комнаты, близ юго-западной стены помещения возвышался сырцовый объект непонятного назначения. Его основание было вмазано в пол. Перед разрушением здания 58.3 целых предметов в комнате не оставили. Ее засыпали слоем строительного мусора толщиной 20-25 см, который перекрывала желтоватая золистая прослойка. Над ней обнаружены обломки рухнувших стен и много костей животных, преимущественно куланов.

Комплекс 10.5 относится к горизонту ПБ раскопа 5, соответствующему горизонту IVA раскопа 3 (рис. 17). Домовладение располагалось между комплексами 58.5, 26.5 и улицей. Оно имело площадь 27 кв.м. Участок поселения, примыкающий к помещению 10 с северо-запада, не раскопан на уровне горизонта IVA. Площадь домовладения 10.5 вместе со двором (помещения 60, 23) составляет 50 кв.м. Парадное помещение 10 внутри сильно повреждено ямами горизонта II. Комплекс 10.5 не имел боковых камер. В узком дворе 60 между стеной улицы и юго-восточной стеной здания обнаружен вкопанный кухонный сосуд. Выход из двора не прослежен. Он мог находиться примерно там же, что и в горизонте ПБ, соединяя двор с улицей. Уникальной особенностью комплекса 10.5 является круглая башня, частью вписанная в объем тумбы, а частью выступающая во двор 23. Она была сложена из поставленных на ребро сырцовых кирпичей и имела кирпичный пол. В пределах сохранившейся части башни (около 1 м в высоту) входного проема не было. На полу башни на подсыпке стоял хум, отсутствием росписи и пропорциями отличавшийся от обычных крупных сосудов для хранения припасов. Тумба со стороны помещения была разрушена почти полностью. Однако ее сохранившееся основание, скошенное внутрь и окрашенное в черный цвет, позволяет реконструировать декор тумбы по образцу соседних комплексов 26.5 и 58.5 (рис. 18). В полу помещения 10 перед входом был вертикально установлен обломок крупного куранта. Он был закреплен галькой, для придания ему устойчивости. Вдоль северо-западной стены помещения 10 выявлены три углубления для хумов. В небольшом сырцовом отсеке находившемся в восточном углу этой же комнаты найдены

самое крупное на Илгынлы-депе медное лезвие и два медных пробойника (Solovyova et al. 1994: figs.1:1, 2:10, 12).

Позднее (горизонт ПА раскопа 5, соответствующий ранней стадии горизонта III раскопа 3) комплекс 10.5 (рис. 19) был перестроен, после чего его площадь увеличилась до 30 кв.м, а вместе со двором (помещения 23 и 60), за счет переноса на 60 см северо-западной стены, — до 55 кв.м. Новая тумба не имела декора. В остальном планировка не изменилась. Во дворе местами прослежена вымостка из фрагментов толстостенной керамики. В западном углу двора вдоль северо-западной стены выделена небольшая каморка. Ее наличие исключает возможность существования прохода между дворами 23 и А. Выход из двора 23 вел, вероятно, на улицу, однако он не был выявлен. В кладке северо-восточной стены помещения 10 была сделана выемка, служившая очажком. На штукатурке этой стены отмечены следы белого покрытия. В этом горизонте интерьер помещения 10 поврежден поздними ямами еще больше, чем в предшествующем горизонте. Комплекс 10.5 сгорел или, скорее всего, был намеренно сожжен вместе с соседним комплексом 26.5. Горели крупные деревянные конструкции или поленья толщиной до 10 см. Д.В.Громыко определил, что они принадлежали трем или четырем видам лиственных деревьев. Во дворе 23 между круглой башней и стеной комплекса 26 найдены скопления обугленного ячменя (тысячи зерновок). В помещении 10 и во дворе были обнаружены расчлененные части скелетов не менее трех человек (погребения 67-69) и два скопления человеческих костей, включавшие черепа (погребения 35, 36). В одном из них найдена чаша ялангачского времени. Кости людей не обуглены.

Комплекс 26.5 относится к горизонту ПБ раскопа 5, соответствующему горизонту IVA раскопа 3 (рис. 17). Здание одновременно обоим этапам существования домовладения 10.5. Комплекс 26.5 похож на святилища 38.3 и 26.3, но по площади (53,5 кв.м) он на треть меньше их. По оси камеры 51, располагавшейся вдоль противоположной входу стены дома 26.5, стояла узкая сырцовая конструкция высотой 60 см. Сверху на ней выявлены остатки ячеек скорее всего таких же, как у конструкции в камере 37 комплекса 38.5. Соседняя камера 50 сначала была углубленным "подвалом" (рис. 17), а затем представляла собой окрашенный черным подиум, открытый через проем в сторону комнаты 26 (рис. 19). Массив подиума был частью заполнен крупными фрагментами придонных частей хумов. Позже (перед оставлением комплекса?) проем замуровали, но не заложили сырцом, а заполнили мусором, скрыв его

под слоем штукатурки и черной краски. В полу комнаты 26 (рис. 17) обнаружено 11 лунок для хумов, в четырех из которых еще находились нижние части сосудов. Здесь же найдено пять ступок для растирания охры, из которых три лежали на полу, одна — внутри хума, а еще одна была вмазана в пол. Тумба 52 имела расписной и рельефный декор (рис. 18). Ее верхняя часть была заполнена битой керамикой. В северо-восточной стене комнаты 26 слева от проема в штукатурке был выделен вертикальный уступ. На правой боковой стене помещения 26 следов краски не обнаружено. Его левая боковая стена была почти целиком разрушена в древности. Перед входом в комнату из пола выступала женская статуэтка из известняка, закрепленная небольшим камнем. Рядом с ней было рассыпано около 0,5 л пшеницы. В других местах на полу помещения 26 найдены лишь зерновки ячменя. Согласно определениям З.В.Янушевич и Е.В.Сергушевой, найденная пшеница относится к виду мягкая карликовая (*Triticum estivo-comtractum*), а ячмень относится к виду голозерный с примесью пленчатого вида (*Hordeum vulgare*).

Уникальной особенностью комплекса 26.5 является лаз высотой 35-40 см, соединявший камеры 51 и 50 с основным помещением 26, а также обе эти камеры между собой. Лаз был сделан при возведении стен, а не пробит позже. После того, как на месте камеры 50 был сооружен подиум, ведущий в нее лаз засыпали, положив со стороны камеры в верхнюю часть его заполнения голову (череп?) козла. Ни очага, ни глиняных скамей в комнате 26 не было. В ее заполнении найдены остатки перемещенной с первоначального места платановой, по определению Е.С.Чавчавадзе, балки длиной не менее 2 м и сечением 25 x 15 см. Одну из ее широких и обе узкие поверхности покрывала красная охра. Скопления крупных фрагментов обугленного дерева располагались также у тумбы 52 и перед проемом. Часть этих фрагментов, находившихся перед проемом, сохраняла следы красной охры. Имеем ли мы дело с остатками скамьи или скамей, не ясно. Расположение лаза исключало во всяком случае возможность установки подобной скамьи в обычном месте поперек комнаты. Очаг в помещении 26 отсутствовал. Двор перед входом в дом был покрыт слоями обмазки и не имел вымостки. Скорее всего его перекрывал навес. Между зданием 26.5 и стеной улицы располагалось помещение 54, имевшее, очевидно, отдельный выход во двор.

Находки в здании свидетельствуют о ритуалах, связанных с оставлением комплекса. Перед каждым из трех выходов, соединявших комнату 26 с камерами (проход в помещение

51, лаз, замурованный проем) было положено небольшое медное лезвие. Перед проемом находилось скопление каменных орудий и изделий, а также три разбитые чаши. Форма и роспись двух чаш типичны для ялангачского времени. Третья чаша имела круглое дно, подтреугольное сечение и необычную роспись. Как эта чаша, так и один из каменных сосудов имели, на венчике (зооморфный?) выступ, который был позже отбит. Крупное медное лезвие (Solovyova et al. 1994: fig.1:2) лежало у стены помещения 54. Угли от пожара прослеживались на всей площади комнаты 26 и в камере 51. Поверх углей найдены разрозненные черепа и кости взрослых и детей (погребения 59-61, 70, 71), а также целые скелеты младенцев (определения А.К.Каспарова) возрастом один месяц (погребение 58) и четыре-пять месяцев (погребение 64). Скелеты находились в необычном положении: распростерты на спине с закинутыми за голову руками. На большинстве костей, кроме нескольких фаланг пальцев взрослых, следов огня не отмечено. В западной части помещения 26 перед проемом и тумбой 52 слой с костями и углями был перекрыт забутовкой из положенных на ребро и косо размещенных относительно стен сырцовых кирпичей. Лишь после этого здесь стал накапливаться строительный и бытовой мусор.

Комплекс 12.4 находится на раскопе 4 и соответствует горизонту III раскопа 3 (рис. 12). Это однокомнатное здание площадью всего лишь 13 кв.м примыкает к массивной стене, расположенной сразу же за северо-западной стеной комплекса 12.4. Данный участок поселения был раскопан в 1986 г. Б.Н.Удеумуратовым, подробностями о работах которого мы не располагаем. Две (разновременные?) очажные ямки без выраженного кругового обрамления выявлены в полу недалеко от левого ближнего угла помещения 12. Женский идольчик, вкопанный в пол этой комнаты перед выходом, аналогичен статуэтке или удлиненному камню в других комплексах горизонтов IV и III.

Комплекс 55.5 относится к горизонту IIА раскопа 5, соответствующему ранней стадии горизонта III раскопа 3. После разрушения комплекса 58.5 его тумба и прилегающая к ней часть северо-восточной стены дома были использованы как перегородки внутри прямоугольного здания 55.5 площадью 21 кв.м (рис. 19). Вместе с двориком 56 площадь домовладения 55.5 составляла 42 кв.м. Полы помещений этого здания были окрашены в черный цвет. У входа со стороны дворика 56 обнаружена установленная вертикально каменная женская статуэтка. В северной части дворика 56, который, вероятно, был перекрыт навесом, стоял сосуд для хранения припасов, обмазанный глиной и

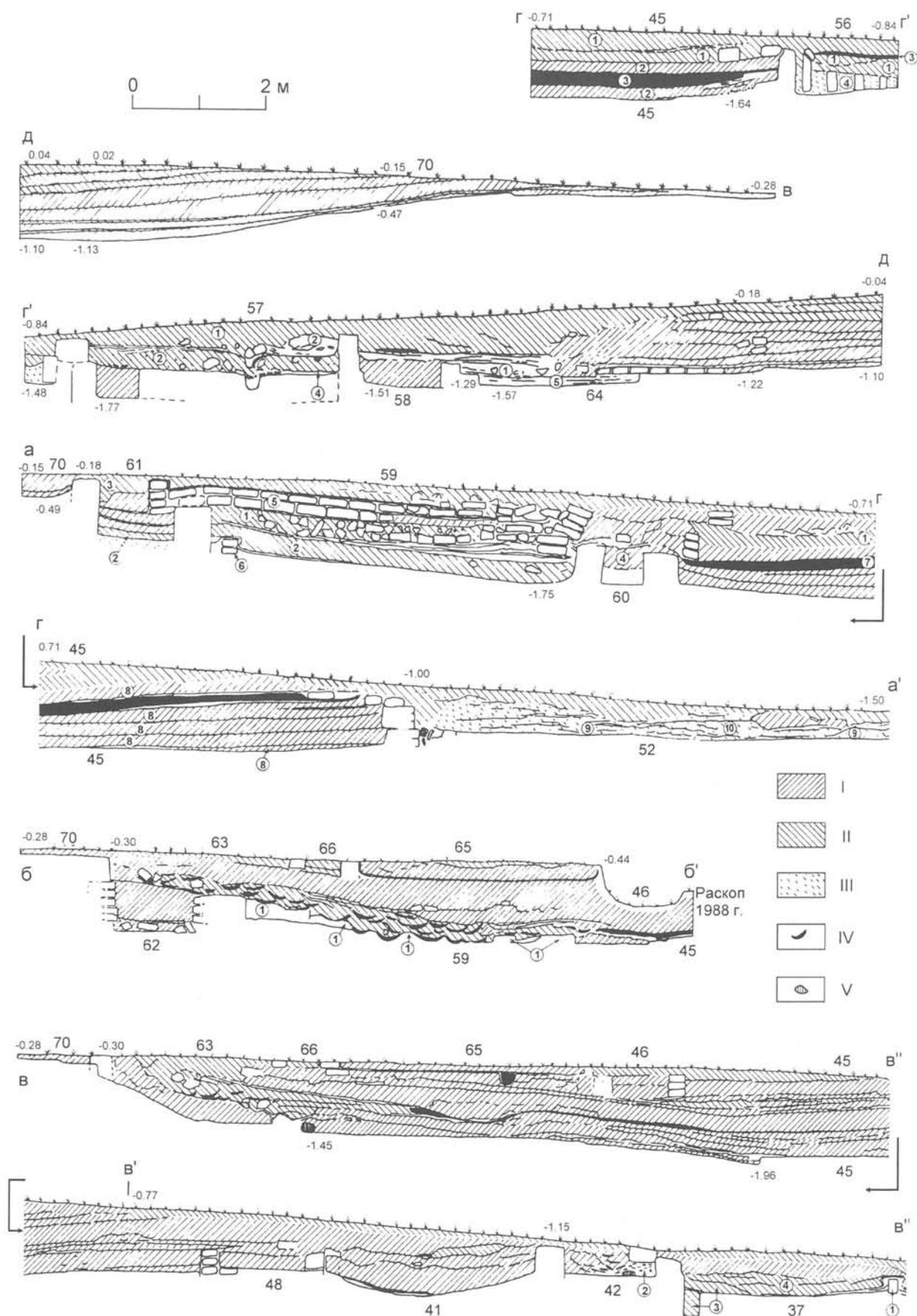

Рис. 15 Раскоп 4. Северо-западная часть. Разрезы. I — сырцовый завал, забутовка; II — продукты разрушения сырца; III — бытовой мусор; IV — зола, угли; V — камни.

Fig. 15 Excavation 4, northwestern part, sections. I, mud brick debris, rubble-work; II, destroyed mud brick; III, rubbish; IV, ashes and charcoal; V, stones.

окрашенный охрой. Судя по толщине отложений, комплекс 55.5 существовал недолго. Его планировка не имеет аналогий, а функциональное назначение не было установлено. В заполнении северной части дворика 26 обнаружены обломки окрашенных охрой глиняных конструкций (скамей?).

Комплекс 18.5 относится к горизонтам IB-IA раскопа 5, соответствующих поздней стадии горизонта III - ранней стадии горизонта II на раскопе 3 (рис. 20). Сооружение комплекса 18.5 площадью 32 кв.м связано с перестройкой здания 55.5 и с разрушением комплекса 10.5, на месте которого теперь оказался двор 53. Хозяйственный участок 18.5 мог простираться и на северо-восток до поворота улицы. На первом этапе существования парадного помещения 18 (горизонт IB) в нем не было ни очага, ни глиняных скамей (врезка к рис. 20). Сосуд для хранения припасов, установленный ранее во дворике комплекса 55.5, находился на прежнем месте, но теперь внутри помещения 18.5, глубоко в полу. Рядом с ним был поставлен второй сосуд — хум с росписью шевронами. Массив кладки слева от входа в помещение 18 многократно штукатурили и красили в черный цвет. Такая же краска покрывала пол и стену напротив входа. Этот массив, видимо, ограничивал тумбу. Её поверхность, обращенная к северо-восточной стене помещения 18, не сохранилась, но пол этой комнаты дальше соответствующей границы не прослеживался, а на внутренней, обращенной в сторону тумбы, плоскости выступа, расположенного слева от входа, отсутствовала штукатурка. Тумбу, видимо, разрушили захоронения младенцев (погребения 79-86). В её заполнении, состоявшем из крупных кусков сырцовых кирпичей и многочисленных камней, найдены также отдельные кости ребенка двух лет и лицевая часть скелета взрослого человека (погребения 87,88). Подобный "могильник" уникален для Илгыны-депе.

На позднем этапе функционирования помещения 18 (горизонт IA) его пол был покрыт завалом сырцовых кирпичей толщина которого достигала 40 см. Стены комнаты 18 не перестроены. В широкой, но неглубокой яме, находящейся в северо-восточной части этой комнаты, под новым полом были оставлены два медных лезвия. Тумбу снесли, массив кладки оформили как выступ. Судя по сохранившемуся основанию, в западном углу помещения 18 была выгорожена узкая, возвышавшаяся над полом каморка. На трижды окрашенном и подновленном черном полу находились две покрытые охрой глиняные скамьи длиной 3,25 м (центральная) и 1,55 м (пристенная). В центре помещения 18 между двумя слоями обмазки пола найден очажок, который использовался в

течение непродолжительного времени. В левой половине комнаты был сооружен очаг-жертвенник диаметром 1,02-1,05 м, а справа от входа — подквадратная конструкция размером 115 x 100 см, в основании которой находились поставленные ребром кирпичи, идущие (как и в комплексе 58.5) тремя рядами параллельно той стене комнаты, в которой располагался вход. Боковые стенки этого сооружения были оштукатурены. Имелись ли сквозные продухи между рядами кирпичей или промежутки между ними с самого начала были заполнены мусором, не ясно. В правой половине помещения 18, у его северо-восточной стены был отгорожен отсек, стенка которого была сложена из поставленных на ребро кирпичей. Нельзя установить, достигала ли она потолка. Верхние части обоих хумов предшествовавшего этапа были сломаны и перекрыты полом. Вместо них поставили три новых хозяйственных сосуда: один в северном углу комнаты 18, два других в правой половине этого помещения. Последние были найдены лежащими на боку. Лунок в полу для их установки не обнаружено. У юго-восточной стены комнаты 18 (может быть, под слоем самой поздней обмазки) оказалось пять медных игл в игольнике или связке. В восточном углу этого же помещения на полу лежали рядом друг с другом четыре керамических пряслица, а пятое, также из обожженной глины, было положено у скамьи. Нет сомнений в намеренном оставлении этих орудий.

В пределах хозяйственного участка 53 археологические находки, синхронные отдельным полам помещения 18, чаще всего не разделены и мы описываем их здесь суммарно. Домохозяйство 18.5 занимало площадь 140-150 кв.м, либо (если помещения 41, 46, 47 не являлись его частью) 100-110 кв.м. Вход в него с улицы находился близ южного угла двора 53. В его юго-восточной части имелась вымостка из фрагментов толстостенной керамики, заглубленных в грунт каменных ступок и кухонных сосудов. В вымостке также находилась глиняная емкость, вымощенная фрагментами керамики. Другой выход из двора 53 вел на заброшенный к тому времени участок к северо-западу от комплекса 18.5. В юго-западной половине двора 53 стояла недолговременная постройка (остатки соответствующей стены, разрушенной поздней ямой, на план не нанесены). Здесь же обнаружены два вторичных захоронения (28/29 и 31), скорее всего совершенные после того, как домохозяйство прекратило существование. Узкий проход 17 вел в северо-восточную часть (того же?) комплекса. В трех выявленных там помещениях 41, 46, 47 черного покрытия на полах не отмечено. Нет в этих комнатах и очагов. Выступ с нишей, находящийся в помеще-

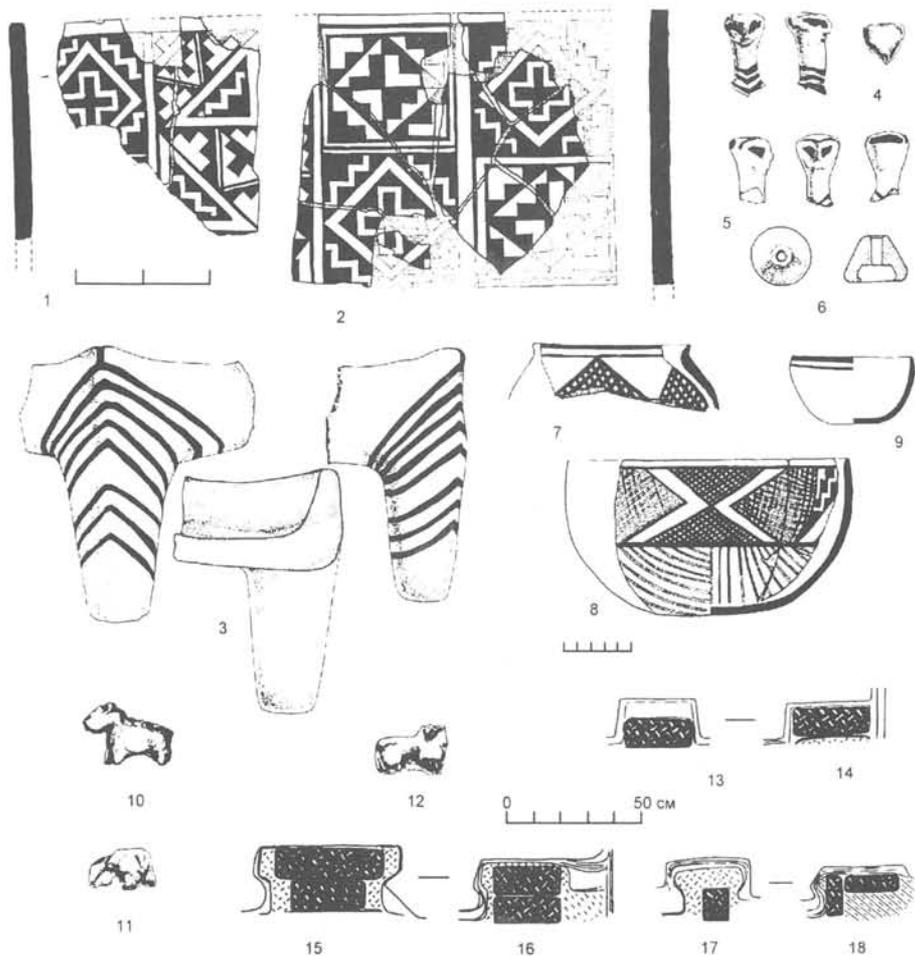

Рис. 16 Раскоп 4. Северо-западная часть. Находки и объекты. 1, 2, 7, 8 — двор 45, керамика из слоя углей в основании горизонта I; 3 — фрагмент керамического столика, пом. 62, под полом горизонта I; 4, 5 — головки керамических статуэток, гор. I; 6 — керамическое пряслище, горизонт I; 10-12 — фигурки животных из необожженной глины, гор. II; 9 — ялангачская чаша, горизонт II, помещение 59; 13-18 — разрезы глиняных скамей (13, 14 — пом. 59, горизонт I; 15-18 — помещение 59, горизонт II).

Fig. 16 Excavation 4, northwestern part, artifacts. 1, 2, 7, 8, courtyard 45, pottery from the charcoal layer in the bottom of level I; 3, fragment of clay table, room 62, under the floor of level I; 4, 5, heads of clay figurines, level I; 6, clay spindle-whorl, level I; 10-12, animal figurines made of unbaked clay, level II; 9, Yalangach-type bowl, level II, room 59; 13-18, sections of clay benches (13, 14, room 59, level I; 15-18, room 59, level II).

нии 41, следов обожженности не имел. Вкопанный в пол хозяйственный сосуд в помещении 47 использовался в период существования помещения 18. Такой же сосуд в помещении 41 относится к более позднему времени, когда из этой комнаты выход вел на северо-восток, на улицу 40.

Комплекс 9.5 относящийся к горизонту ПА раскопа 5, соответствует раннему этапу горизонта III раскопа 3 (рис. 19). Это домохозяйство площадью 105 кв.м раскопано полностью. Так как оно существовало недолго, его не перестраивали и не поднимали уровень пола в главной комнате 9. Через коридор 36 выход из двора 12 вел на улицу 40. Маленькие помещения 16, 34, 19, расположенные вдоль северо-восточного края двора 12, видимо, использовались для каких-то работ. Очагов в них не было. Основное здание (помещение 9) вместе с боковыми камерами 11, 15, 21, 14, занимало площадь 55

кв.м. Комплекс 9.5 единственный, в котором имелась лишь одна глиняная скамья, имевшая длину 3,5 м. Её установили спустя какое-то время после постройки помещения 9, поскольку к моменту её сооружения хозяева этой комнаты успели дважды покрасить пол комнаты в черный цвет. На стенах помещения 9 краску удалось обнаружить только там, где проем соединял главную комнату 9 с камерой 14, причем как на нижней поверхности проема, так и на прилегающей к нему части стены черная краска была нанесена поверх красной. В юго-восточной половине комнаты 9 находился очаг-жертвенник диаметром 0,92 м. В его очажную ямку была вкопана чаша. В северо-западной половине помещения 9 располагалась прямоугольная глиняная конструкция (120 x 85 см) на двенадцати ножках (Masson et al. 1994: fig.3:2). Верхняя часть этой конструкции не сохранилась. Хум, установленный в северном

углу помещения 9, был перед оставлением комплекса 9.5 сломан. Его нижняя коническая часть заполнена обломками верхней половины сосуда, перекрыта обмазкой, а затем "запечатана" большим камнем. Напротив выхода во двор 12 из пола выступал продолговатый камень. Правая часть северо-восточной стены помещения 9 была сложена из кирпичей, поставленных на ребро. Тонкими были и стены хозяйственного помещения 34. Наличие одной длинной камеры позади парадной комнаты 9 и трех дополнительных камер (11, 15, 21) вдоль северо-западной стены комплекса 9.5 не имеет аналогий в других комплексах Илгынлы-депе. В пол камеры 21 был вкопан хозяйственный сосуд. В камере 14 обнаружен раздавленный хум. При разрушении этого комплекса именно в камерах 14 и 15 были оставлены скопления целых орудий: под перевернутой чашей — длинный медный черешковый нож или копье (Solovyova et al. 1994: fig. 1:3) и вместе с ним новый оселок, а в специальном отсеке в помещении 14 — медные долото и небольшой наконечник, два костяных шильца и два десятка различных каменных орудий. В заполнении хозяйственного участка 12 найдена голова каменной женской статуэтки с проработанными чертами лица (Masson et al. 1994: fig. 6:3), которая целиком, включая слом, была покрыта красной охрой; охра возле рта создавала впечатление накрашенных губ, а глаза были выделены черной краской.

Комплекс 1.7 находится на раскопе 7 и соответствует горизонту III раскопа 3. Раскопки этой постройки на западном склоне холма вели К. Курбансахатов, а затем В.И. Козлов. Юго-западная часть здания 1.7, где могли находиться подсобные камеры, не сохранилась. Площадь этого комплекса составляла либо 51 кв.м, либо (если камеры существовали) примерно 62 кв.м. В помещении 1 имелись две красные глиняные скамьи длиной 4,25 м (центральная) и 3,1 м (пристенная). Вход, надо полагать, находился в юго-восточной стене рядом с ее выступом, но обнаружить его не удалось. Небольшая каморка в южном углу помещения 1 напоминает такую же в комплексе 18.3. Был ли окрашен пол комнаты 1 не установлено. В левой половине помещения 1 на том месте, где обычно находится очаг, обнаружено развалившееся сооружение из прокаленных кирпичей. Оно когда-то имело круглую форму диаметром 2 м. Около сооружения зафиксировано пятно сажи. В комплексе 1.7 найдено не менее 10 глиняных пряслиц.

Комплекс 15.4 относится к горизонту III раскопа 4, соответствующему горизонту III раскопа 3 (рис. 12). Это здание имело площадь 73,5 кв.м. Участок, окружающий домовладение, не раскопан на уровень, соответствующий III го-

ризонту. Хотя тумба, находившаяся в парадной комнате 15, хорошо сохранилась, рельефного декора на ней не обнаружено. В нижней части ее заполнения найдены фрагменты крупной глиняной статуэтки (Masson 1993:25). На обращенной к очагу стене тумбы и на противоположной ей стене помещения 15/19 имелось белое покрытие, но на боковых стенах комнаты краски не было. Свита полов в помещении 15/19 достигала толщины 10-15 см, однако нижние полы не были расчищены. В углу за тумбой находилась каморка 28, в которую вел лаз высотой 35 см и шириной 50 см. От двух длинных камер 30 и 33, расположенных за северо-восточной стеной комнаты 15/19 сохранились лишь основания. Камера 33 представляла собой углубленный подвал. По центру камеры 30 находилась узкая конструкция, возможно, с ячейками сверху как в комплексах 26.3 и 26.5. На определенном этапе обживания помещения 15/19 в нем стояли три скамьи, окрашенные в красный цвет. К моменту оставления здания центральная скамья, имевшая длину 4,3-4,4 м была на две трети разрушена. В помещении не найдено её обломков, но в полу выявлены следы конструкции скамьи. Скамья у северо-восточной стены помещения имела длину 2,4 м. От третьей скамьи, видимо, шедшей параллельно юго-восточной стене комнаты 15/19, сохранился останец длиной 0,5 м близ восточного угла этого же помещения, где были найдены раздавленный хум, скопление различных каменных орудий для обработки зерна, кожи, краски и металла, а также напярсла, расколотая каменная гирия и медный стержень. Очаг помещения 15/19 представлял собой окруженную массой спекшейся золы и углей ямку, которая имела дисковидную форму. Вдоль левой боковой стены этой же комнаты располагалась нештукатуренная сырцовая платформа шириной 110 см и высотой 15-20 см. Она похожа на платформу, пристроенную к правой боковой стене в комплексе 38.3, которая была, однако, выше и имела более четкую внешнюю поверхность. При оставлении здания 15.4 вход в него заложили кирпичами, укрепив заклад с улицы стеночкой-контрфорсом.

Комплекс 3.1 находится на раскопе 1 и синхронен горизонту III раскопа 3 (рис. 3). Это здание площадью 81 кв.м расположено на юго-восточном краю поселения. Большая часть правой от входа боковой стены домовладения не сохранилась, а от левой остался лишь нижний ряд кирпичей. Из двух окрашенных охрой скамей, находившихся в помещении 3/4, центральная имеет длину 4,6, а пристенная — 2,25 м. Позднее ямы геоксюрского времени повредили интерьер здания. Не ясно, разрушен ли ими также западный (слева от тумбы) угол по-

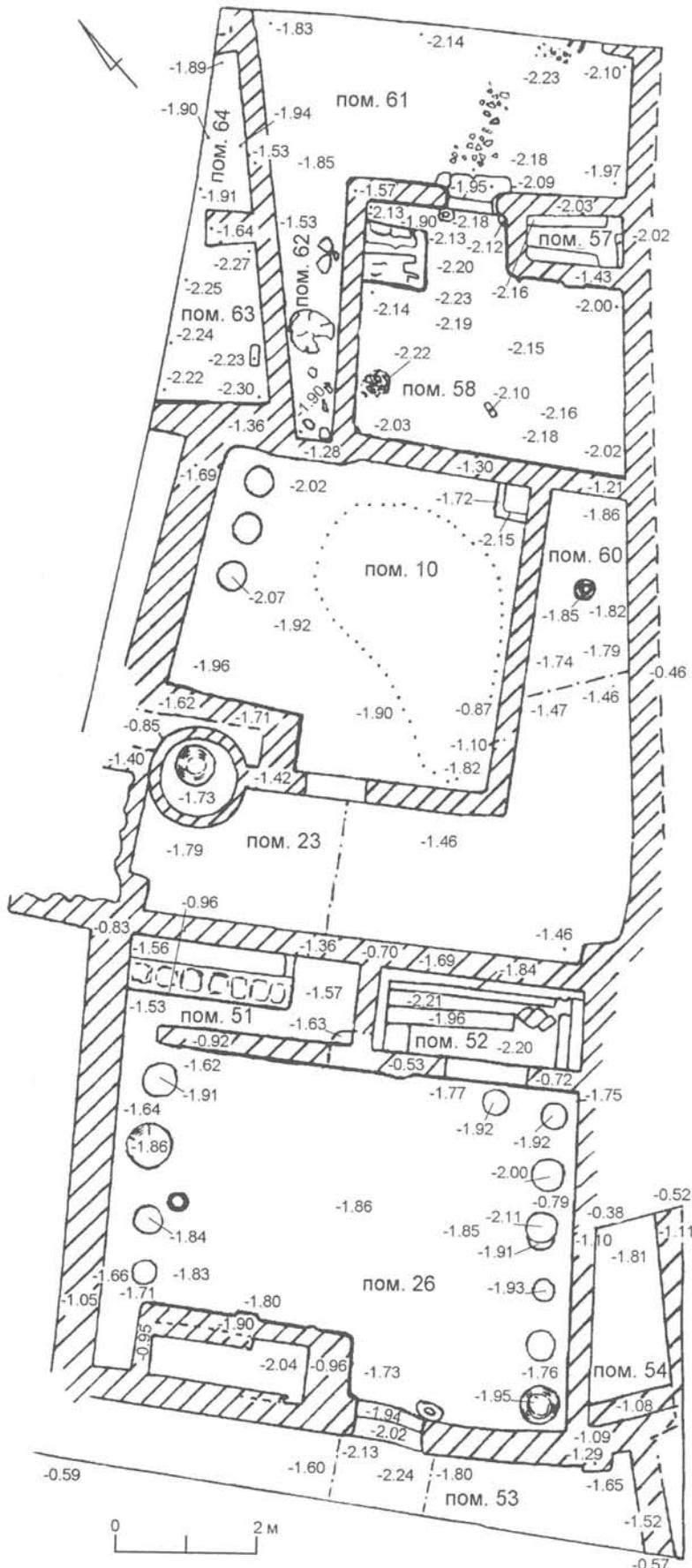

Рис. 17 Раскоп 5. Горизонт IIB (соответствует поздней стадии горизонта IV на раскопе 3). План. Тонированы полы, покрытые черной краской. На месте помещения 50 в комплексе 26 — углубленный подвал.

Fig. 17 Excavation 5, level IIB (corresponding to late level IV in excavation 3), plan. Tinted areas denote black-painted floors. The place of room 50 in complex 26 is occupied by a basement.

стройки 3.1 (где в таком случае находилась каморка 7, такая же как в комплексе 15.4) или здесь имелся снаружи такой же уступ, как у комплекса 25.5 (см. ниже). Штукатурка на стене тумбы отсутствовала. Очаг-жертвенник диаметром 0,85 м занимал обычное положение в левой части комнаты 3/4 напротив тумбы. Полы помещения имели черный цвет. После сооружения второго пола была соответственно увеличена высота скамей. Северо-восточную стену комплекса 3.1 во время ремонта облицевали снаружи кирпичами. На верхнем полу помещения 3/4 близ того места, где центральная скамья отходит от стены, найдены медное лезвие и каменная бусина, а в углу камеры 2 — лежащая вверх дном краснолощенная чаша. Парадное помещение 3/4 было забутовано косыми рядами поставленных на ребро кирпичей, как и в комплексе 26.5.

Комплекс 25.5 относится к горизонту IA раскопа 5 и соответствует поздней стадии горизонта III и, может быть, ранней стадии горизонта II раскопа 3 (рис. 20). После разрушения комплекса 26.5 участок поселения, на котором он был возведен, видимо, оставался заброшенным в течение всего времени функционирования комплекса 9.5. После того, как он был разрушен, выступавшие из мусора останцы стен домовладения 26.5 снесли и на этом месте построили здание 25.5 площадью 33 кв.м. Его стены сохранились на высоту 5-20 см от пола. В помещении 25 имелся только один уровень окрашенного в черный цвет пола. У правой боковой стены комнаты 25 находился раздавленный хум. Ближе ко входу к той же стене примыкал небольшой сырцовый отсек. Еще одна сильно разрушенная конструкция примыкала к тумбе. Выход из помещения 25 вел на юго-восток во двор 26, занимавший, очевидно, все пространство между зданием и стеной улицы. За тумбой в южном углу комплекса 25.5 стена делала уступ внутрь. После запусения этого комплекса во дворе было совершено двойное захоронение. Могила, вероятно, представляла собой камеру с подбоем: кости захороненной ранее женщины (погребение 66, череп отсутствовал) сдвинули в сторону и на ее место положили мужчину (погребение 65).

Комплекс 30.5, относится к горизонту IA раскопа 5, соответствующему поздней стадии горизонта III и, может быть, ранней стадии горизонта II раскопа 3 (рис. 20). Это домовладение, площадью не менее 41 кв.м, синхронно предыдущему. Судя по обнаруженной во дворе 20 более ранней вымостке, ниже, скорее всего, располагался комплекс, синхронный зданию 9.5. Поскольку комплекс 30.5 находился в поверхностном слое, он сохранился неполностью. Осталось не ясным, имелись ли камеры за се-

веро-западной стеной помещения 30 (если да, то площадь здания составляла не менее 55 кв.м) и был ли массив кладки слева от входа выступом или краем тумбы. Центральная (длина 3,85 м) и пристенная (2-2,5 м) скамьи комплекса 30.5 были сооружены одновременно с полом. В комнате 30.5 имелся только один уровень окрашенного в черный цвет пола. Скамья против входа в помещение (и несохранившаяся скамья вдоль его правой боковой стены?) установлены позже. В ямку-жаровню очага-жертвенника была вкопана чаша. Подпятник находился слева от входа в комнату, что необычно для домовладений Илгынылы-депе. В северном углу помещения 30 выявлено основание прямоугольной конструкции со следами огня (очаг?). Во дворе 20 были вкопаны в землю расписной хум и кухонный сосуд, а ближе к фасаду дома возвышалась невысокая круглая конструкция диаметром около метра из поставленных на ребро кирпичей. После запусения комплекса 30.5 двор использовался для захоронения детей и взрослых (погребения 15, 33, 34, 38, 41-43).

Комплекс 3.4 относится к горизонту II раскопа 4, соответствующему горизонту II раскопа 3 (рис. 12). Его площадь можно определить лишь приблизительно (35-40 кв.м), так как правая половина здания не сохранилась. К северо-восточной стене комнаты 3 примыкала скамья красного цвета длиной 1,7 м. От длинной скамьи, делящей помещение пополам, осталась лишь смежная со стеной часть длиной 0,5 м. Не известно, была ли длинная скамья разрушена при оставлении комплекса 3.4 или позже. Очаг-ямка в помещении 3, по-видимому, не имел дополнительных конструктивных деталей.

Комплекс 36.4 относится к поздней стадии горизонта II на раскопе 4 (рис. 12), соответствующей поздней стадии горизонта II раскопа 3. Этот комплекс, площадью около 45 кв.м, также находится в поверхностном слое поселения. Его юго-восточная (слева от входа) часть, в том числе и очаг (если таковой был) разрушена. Как и в здании 30.5, подпяточный камень находился, по-видимому, слева от входа, точное расположение которого однако не прослежено. Две окрашенные охрой скамьи длиной 4,2 м (центральная) и 2,6 м (пристенная) были установлены при сооружении комнаты 36. Они стояли на полу черного цвета, который являлся единственным уровнем пола в этой комнате. По-видимому, имелась еще третья скамья напротив входа в помещение, но ее торцовая часть и обмазка отсутствовали. На выступе слева от входа в эту комнату и на её стенах следов краски не отмечено. Не ясно, связано ли с комплексом 36.4 квадратное в плане помещение 35, которое примыкает к зданию с юго-запада.

Комплекс 34.4 относится к ранней стадии

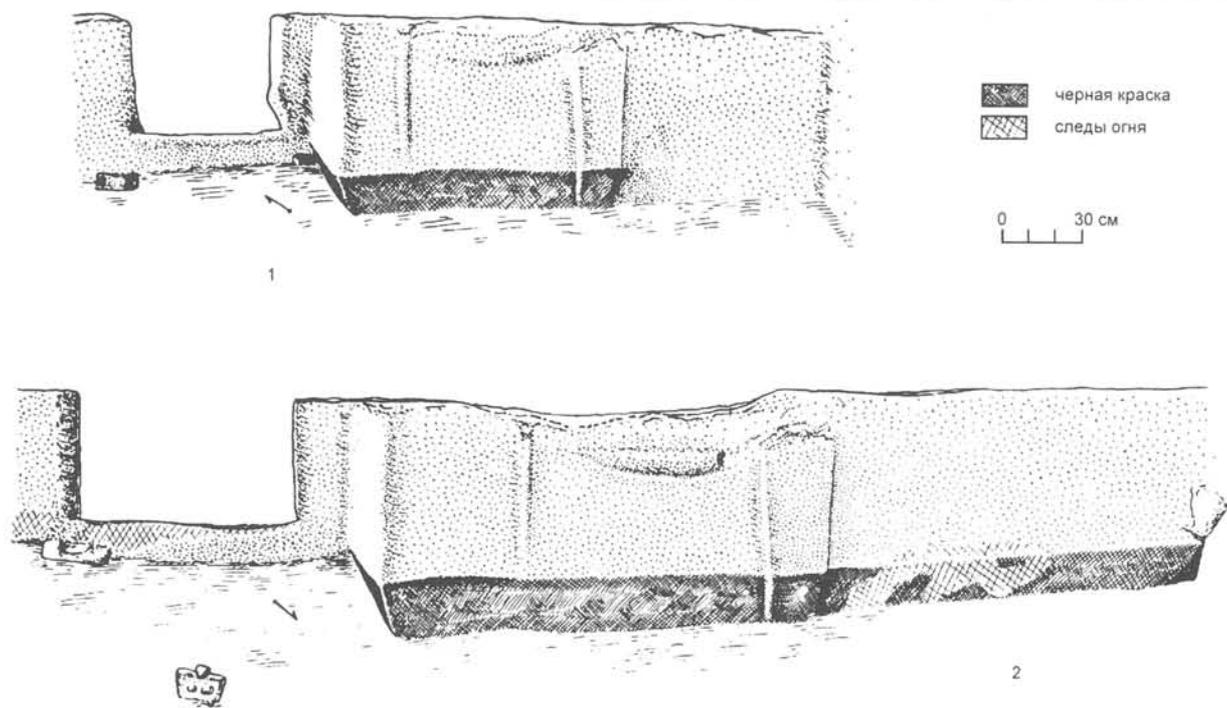

Рис. 18 Оформление тумбы в помещениях горизонта II B (см. рис. 17). Слева от выхода — подпяточные камни. В помещении 58 в углу справа от выхода чаша, вмазанная в стены и пол.

Fig. 18 Construction of the box in rooms of level II B (fig. 17). Step bearings are situated to the left of the entrance. In the corner of room 58, to the right of the entrance, there is a bowl puttied into the walls and into the floor.

горизонта II раскопа 4 (рис. 12), соответствующей ранней стадии горизонта II раскопа 3. На глубине 25–30 см ниже пола комплекса 36.4 и на столько же выше пола комплекса 15.4 в помещении 34 найден очаг-жертвенник, поврежденный упавшими обломками стен. В южном углу пол помещения 34 выклинивался, выходя на поверхность холма, а в северном (ниже помещения 36) пол не расчищен, поэтому общий облик рассматриваемого комплекса реконструируется весьма приблизительно. Судя по расположению выступа в северо-западной стене помещения 34, именно в ней должен был находиться дверной проем, тем более что в остальных стенах такового не обнаружено. Хозяйственное помещение 22 синхронно комплексу 34.4. В помещении 22 лежал хум, рядом с которым находились зооморфная ступка из известняка (Masson et al. 1994: fig. 6:2) и медное лезвие.

Комплекс 59.4 относится к горизонту II раскопа 4, соответствующему горизонту II раскопа 3 (рис. 14). Это домовладение площадью 76,5 кв.м было обращено северо-западной стеной к улице 70. Перед зданием находился парадный двор 45 площадью 98 кв.м. Двор был покрыт слоями сырцового забутовки и обмазки, что предполагает существование здесь навеса (рис. 15, разрезы а-г-а', в-в''). В северо-восточной половине двора 45 была сооружена овальная конструкция высотой 10–15 см, поперечником 165–185 см. В разное время эту конструкцию

пять раз обмазывали глиной. Между слоями обмазки прослеживаются тонкие прослойки золы. Видимо, здесь неоднократно, но ненадолго разжигали огонь. Выход 44 из парадного двора 45 на улицу 42 находился за юго-западной стеной здания, включавшего помещения 40, 41, 43, 48. Эта постройка, видимо, также относилась к домовладению, что и парадная комната 59. Второй выход из двора 45 располагался в его западном углу. Куда вел этот выход, выяснить не удалось.

В парадной комнате 59 сохранились четыре окрашенные охрой глиняные скамьи: центральная длиной 5 м (рис. 16:15); скамья длиной 2,59 м, расположенная у северо-западной стены помещения (рис. 16:16); скамья длиной 5,13 м, стоящая вдоль северо-восточной стены помещения (рис. 16:17) и скамья длиной 2,55 м, расположенная против входа в помещение (рис. 16:18). Противоположная входу стена помещения 59 была сперва окрашена, как и пол, черной краской, а позднее на нее нанесли белое ганчевое покрытие. Такое же покрытие, но без черной краски под ним, обнаружено на левой боковой стене парадной комнаты 59. Эта стена сложена из кирпичей и скрытого под обмазкой строительного мусора. Правая боковая стена помещения 59 была разрушена в древности. Его пол неоднократно подкрашивали. Участок в южном углу помещения 59 за тумбой был отгорожен маленькой сырцовой стенкой высотой около 40 см и, видимо, забутован. Обращенная

к помещению 59 плоскость стенки была покрашена в черный цвет. Очаг-ямка, находящийся в левой половине комнаты 59, не имел дополнительных конструктивных деталей. Хорошая сохранность северо-западной стены парадного помещения 59 позволяет утверждать, что эта комната и камера 62 не сообщались. Пол в камере 62 был на 40 см ниже, чем в камере 61. Как и в других подвалах из пола камеры 62 вдоль ее торцевой стены выступали ряды кладки. В камере 61 имелось возвышение из сырцовых кирпичей, располагавшееся не по оси помещения, а вдоль его стены. Верхняя часть этой конструкции не сохранилась. В порог камеры 61 вертикально воткнута плечевая кость овцы или козы. В парадной комнате 59, перед выходом из неё во двор 45, из пола выступал сырцовый кирпич (?), длиной 55 см, возможно, аналог идольчика. В здании 59 не оказалось ни хумов, ни углублений для них. На месте северо-восточной стены комплекса 59.4 и сразу же за ней обнаружено 30 небольших очажков, частично перекрывавших друг друга. Стратиграфически они связаны с периодом разрушения и ритуального захоронения здания 59.4 и соответствуют слою золы и углей от сгоревших веток, который перекрывал всю западную половину парадного двора 45 (рис. 15: разрезы г-г', г-а', б-б'). В этом слое были разбросаны фрагменты ялангачского цилиндрико-конического хума с геоксюрской росписью (рис. 16:1,2), которая является самой большой известной до сих пор геоксюрской орнаментальной композицией.

Дом (помещения 40, 41, 48), вероятно, был жилым, что подтверждается наличием очажных ямок в полу обоих основных помещений (40 и 41) и наличием сырцовой каморки (ее площадь была значительно уменьшена после ремонта) в западном углу помещения 41. Рядом с этой каморкой были оставлены две ступки из известняка. В северо-западной стене комнаты 41 были обнаружены четыре ниши с сохранившимися притолоками (Березкин 1990). Они не имеют аналогий в энеолитической архитектуре Туркменистана. Дом сходных размеров и планировки, но с очень узкими щелевидными проемами, соединяющими центральный коридор с комнатками, открыт во втором горизонте поселения Айна-депе в Геоксюрском оазисе. Это домовладение также располагалось рядом, но не напротив квадратного здания с внутренним выступом (Хлопин 1964: рис. 17; 1969: табл. XXI).

Южнее жилого дома (помещения 40, 41, 48) находился двор 52, заполненный мусорными отложениями, которые были богаты органикой. В стене, отделявшей двор 52 от парадного двора 45, находилась двухчастная производственная или бытовая печь.

Горизонт I раскопа 4 синхронен горизонту IB раскопа 3 (рис. 13). В это время комплекс 59.4 продолжал существовать, но его перестроили. Предшествующее здание горизонта II было сперва засыпано землей на высоту скамей, а затем забутовано, как и двор 45, сырцовыми кирпичами. Новое здание имело меньшую площадь (57,5 кв.м) за счет перестройки юго-восточной и северо-восточной стен парадной комнаты 59. Две ее другие стены были использованы в качестве фундамента для возведения новых стен. После перепланировки комната 59 имела два уровня полов, верхний на 10 см выше нижнего (рис. 15: разрез а-г). Кроме того была сделана новая очажная ямка (рядом с первоначальной) и подновлены скамьи — центральная (длиной 4,4 м) и пристенная (длиной 2,2 м). Как и в комплексе 36.4, кроме двух основных скамей в парадной комнате 59 имелась, видимо, третья скамья, но ее торцевая часть не сохранилась. За северо-западной стеной помещения 59 находились не две, как обычно, а три (правая поделена на две маленькие) камеры (61, 62, 62-А). Под полом помещения 59 найдена ножка керамического столика (рис. 16:3). Юго-восточная часть здания 59, обращенная к парадному двору 45, сохранилась плохо. Массив кладки слева от входа в парадную комнату 59 представлял собой, видимо, не край тумбы, а выступ. Скамьи, находившиеся в помещении 59 (рис. 16:13,14) не имели боковых валиков и выделенных ножек. Скамьи, стоявшие на верхнем полу, были покрыты такой же, как и стены, белой краской, содержащей гипс или известь. Они были почти вдвое уже и ниже обычных и имели трапециевидное сечение. Судя по нескольким сохранившимся основаниям стен и по очажной ямке, парадный двор 45 был по-прежнему ограничен с юго-востока строением, функциональное назначение которого осталось не выяснено. Комплекс 59.4 местами перекрыт отложениями, синхронными горизонту IA раскопа 3, но от этого горизонта сохранились лишь основания нескольких стен.

Заключение. При оценке различий между комплексами, прежде всего следует обратить внимание на хронологические признаки, какими являются декор тумбы и тип очага. Специфический расписной и рельефный декор тумбы (окрашенная черным горизонтальная полоса со скосом внутрь и сходящий у пола на нет вертикальный, прямоугольный в сечении выступ) не встречается позже горизонта III, но имеется во всех комплексах горизонта IV и более ранних независимо от их площади (38.3, 26.3, 26.5, 10.5, 58.5). В горизонте III подобный декор не зафиксирован в комплексе 14.3 и отсутствует в комплексе 15.4. В других синхрон-

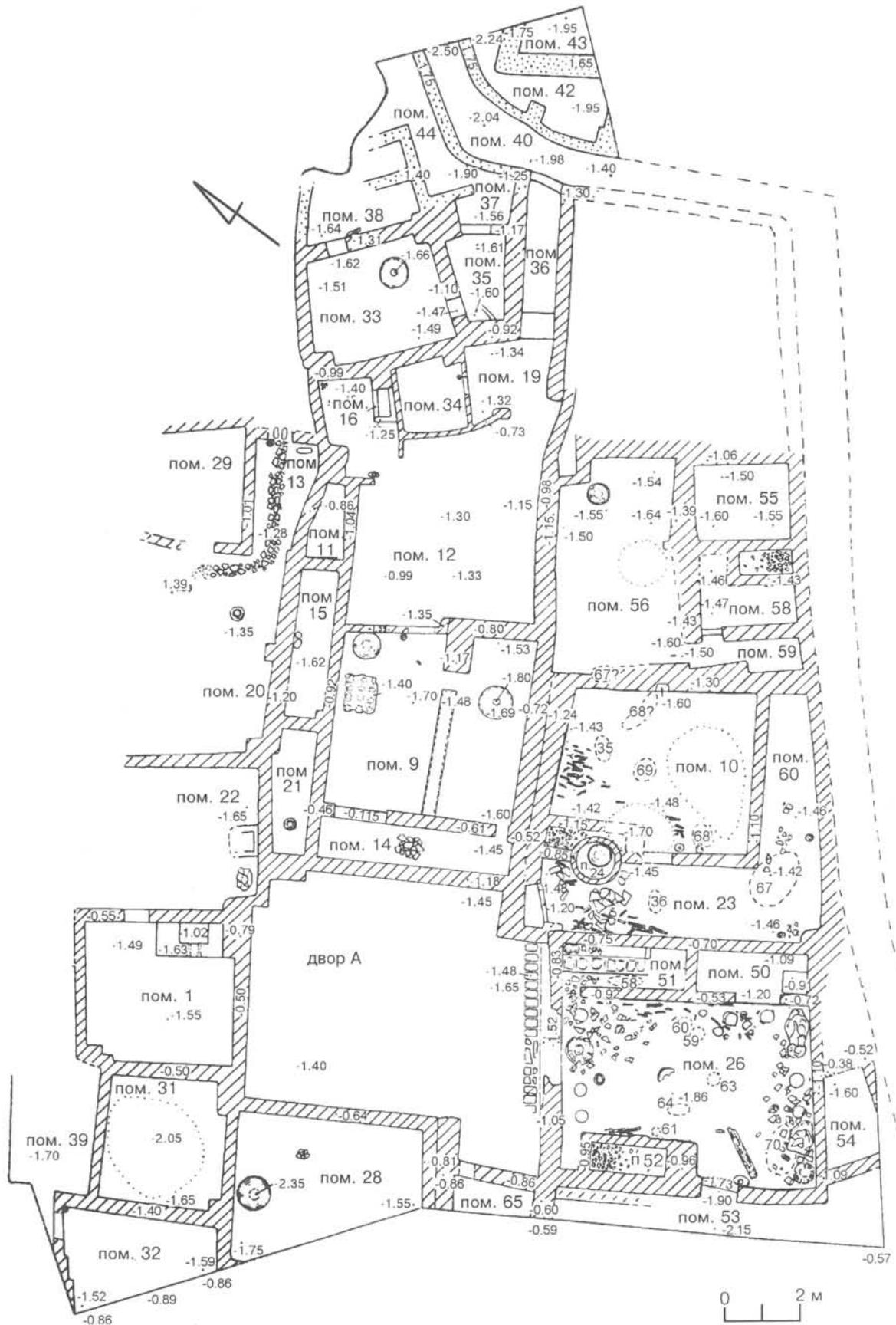

Рис. 19 Раскоп 5. Горизонт IIa (соответствует ранней стадии горизонта III раскопе 3). План. Стены с точечным заполнением возведены позже других. Комплексы 10 и 26 зафиксированы на момент разрушения. На месте помещения 50 — пьедестал.

Fig. 19 Excavation 5, level IIa (roughly corresponding to early level III in excavation 3), plan. The later walls are dotted. Complexes 10 and 26 are shown at the moment of their destruction. On the site of the room 50 — a podium.

ных им комплексах тумбы нет, либо штукатурка на ней обвалилась. Очаги-жертвенники ни разу не встречены ранее горизонта III, но обнаружены во всех хорошо сохранившихся комплексах, начиная с поздней стадии горизонта III (что касается ранней стадии горизонта III, то раскопки плохо сохранившегося комплекса 10.5 не позволили установить имелся ли здесь очаг-жертвенник). В хорошо сохранившихся парадных помещениях горизонта IV (26.3, 26.5, 58.5) очагов в полу нет. Посреди парадной комнаты комплекса 38.3 горизонта V имелась круглая ямка с обожженными краями. В интерьере парадных помещений горизонта III деревянные скамьи сменились глиняными. Правда доказательства существования деревянных скамей в горизонте IV имеются лишь для комплекса 26.3, в котором обнаружены сохранившие окраску обугленные остатки сидений. Начиная с III горизонта, глиняные скамьи представлены во всех комплексах, в том числе и в тех, которые имеют небольшую площадь (18.5). Еще одной деталью, которая не фиксируется позднее горизонта IV, является открытый в парадное помещение подиум, располагавшийся на месте подсобной камеры. Вероятным прототипом этой детали интерьера была "суфа", обнаруженная на Дашлыджи-депе (здание 1). Судя по описанию, эта "суфа", относящаяся к периоду Намазга I, была "перегорожена стенкой на две неравные части и отделена от остального пространства комнаты невысоким барьером" (Хлопин 1960:141, рис. 6,9; 1963:15). Более отдаленные параллели представляют платформы джейтунских жилищ и североиранских комплексов Загхе и Занги-Чакмак (Masuda 1974; 1976; Negahban 1979).

Развитие форм глиняных скамей шло по пути утраты деталей, не соответствующих особенностям нового материала. Многие скамьи горизонта III еще тщательно воспроизводят деревянные прототипы. В горизонте II рельефные части глиняных скамей становятся схематичными и угловатыми, а в горизонте I эти детали пропадают совсем. В завершение эволюции исчезает традиция окрашивания глиняных скамей красной краской, что, видимо, затрагивает уже сферу идеологии.

С назначением парадных комнат, вероятно, связано количество находящихся в них хозяйственных сосудов. Среди прочих выделяются комплексы 38.3, 26.3, 14.3 и 26.5, в которых выявлено от девяти до двенадцати лунок для хумов. Следует учесть, что в двух комплексах горизонта III (3.1 и 1.7) лунки могли быть не обнаружены. Так как их нет в комплексах гори-

зонта II, данный признак может иметь и хронологическое значение.

На первый взгляд, крупные комплексы со скамьями, подсобными камерами и лунками для хумов отличаются от небольших зданий, в которых отсутствуют некоторые из этих деталей интерьера. Однако провести между теми и другими резкую границу не возможно. Детали интерьера, характерные для парадных комнат, встречаются в любых комбинациях и их встречаемость не зависит от площади комплекса. Некоторые из них, быть может, свидетельствуют о специфических связях между отдельными домовладениями. Так, конструкция подквадратной формы, располагавшаяся справа от входа, встречается только в разновременных комплексах, обнаруженных в восточной части раскопа 5. Только в соседних комплексах 9.5 и 30.5 в очаге находилась чаша. Неясно функциональное назначение женской статуэтки или камня, вкопанного в пол помещения перед входом. Соответствующие комплексы, где они обнаружены, имеют между собой мало общего. Логично допустить, что женская статуэтка, о которую трудно не споткнуться, была установлена непосредственно перед разрушением здания, но прямых доказательств этому нет.

Комплексы, исследованные на Илгынлы-депе, отличаются от раскопанных на геоксюрских поселениях. В геоксюрских комплексах отсутствуют тумбы, а очаги оформлены иначе: они прямоугольные, двухчастные, в виде подиума с высоким глиняным валиком (Акча-депе, помещение 5; Ялангач-депе, помещение 1, 2; Муллали-депе, помещение 7; Айна-депе, помещение III:1, 4; Хлопин 1964:15,16,21,31,41,77). Такой очаг расположен обычно в правой дальней, а не в левой ближней четверти комнаты. На геоксюрских поселениях встречены также прямоугольные, видимо, бытовые очаги с более высокими стенками, расположенные слева от входа у стены (Акча-депе, помещение 17; Дашлыджи-депе, помещение 1; Хлопин 1964:16,48). На геоксюрских поселениях известны и круглые жертвенники, но они встречаются реже (Айна-депе, Геоксюр I, Геоксюр 7; Хлопин 1964: рис.41) и имеют высокий валик, тогда как у жертвенников, найденных на Илгынлы-депе, он едва намечен. Подобный жертвенник найден как в третьем горизонте Айна-депе (что значительно раньше третьего горизонта Илгынлы-депе), так и на Геоксюре I (Сарианиди 1962: рис. 2,4), т.е. возможно, позже оставления Илгынлы-депе. Остается неясным, имелись ли глиняные скамьи на поселениях Геоксюрского оазиса. В случае плохой сохранности их могли и не заметить, особенно, если они не имели красного покрытия. Однако, во многих геоксюрских комплексах, очаги рас-

положены таким образом, что не оставляют для скамей места. В геоксюрских зданиях нет узких подсобных помещений, расположенных за парадными комнатами комплексов. Однако, "суфа" (поселение Дашлыджи-депе), разделенная пополам и частично отгороженная небольшой стенкой от комнаты, выступает в качестве возможного прототипа таких помещений.

Оставление обветшавших парадных помещений как геоксюрских, так и илгынлыных, по-видимому, всегда совершалось по определенным правилам, которые требовали размещения на полах или в тайниках ценных вещей. Некоторые здания, очевидно, сжигались. В комплексе 26.5 и в "культурном здании" Геоксюра I (Сарианиди 1962:49-51) внутри сожженных помещений обнаружены человеческие останки.

Березкин, Ю.Е. 1990. Святилища медно-каменного века на юге Туркменистана // *Природа* 7: 55-59.

1993. Радиоуглеродные даты с Илгынлы-депе в Туркмении // *Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук* 201: 12-16.

Гаязали, А.Ф. 1959. Холм Илгынлы-депе // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР* 15: 15-29.

Дьяконов И.М. 1955. Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине // *Вестник Древней Истории* 4: 10-40.

Массон В.М. 1960. Кара-депе у Артыка // *Труды Южно-Туркменской Комплексной Экспедиции* 10: 319-463.

Сарианиди В.И. 1962. Культурные здания поселений анауской культуры // *Советская археология* 1: 44-56.

1962а. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений геоксюрского оазиса // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР* 91: 22-29.

Хлопкин И.Н. 1960. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южной Туркмении // *Труды Южно-Туркменской Комплексной Экспедиции* 10: 134-224.

1963. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии I. Свод археологических источников. Вып. БЗ-8. Москва-Ленинград.

1964. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Москва-Ленинград.

1969. Памятники развитого энеолита Юго-восточной Туркмении. Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск БЗ-8. Ленинград: Наука.

Открытие парадных комплексов Илгынлы-депе является одним из важнейших событий последнего десятилетия в первобытной археологии Ближнего Востока и Средней Азии. Их изучение обещает пролить свет на проблемы социальной организации и идеологии сложных догосударственных обществ эпохи энеолита. Три проблемы представляются первоочередными. Это происхождение данного архитектурного канона; обстоятельства, при которых на востоке подгорной полосы Копет-дага произошел отказ от него (в слоях позднего энеолита на Алтын-депе ничего подобного нет); и, наконец, соотношение эволюции архитектуры с распространением геоксюрских нововведений в ремесле, иконографии и погребальном обряде.

Tosi M. 1971. Сеистан в бронзовом веке // *Советская археология* 3: 15-30.

Amiet, P., M. Tosi. 1978. Phase 10 at Shahr-i Sokhta // *East and West* 28 (1-4): 9-31.

Masson V.M. 1993. A l'origine des villes en Turkmenie meridionale // *Les Dossier d'Archéologie* 185: 22-27.

Masson V.M., Yu.E. Berezkin, N.F. Solovyeva. 1994. Excavations of Houses and Sanctuaries at Ilgynly-Depe Chalcolithic site, Turkmenistan. // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*: 18-26. Sankt-Petersburg.

Masuda S. 1974. Excavations at Tappeh Sang-e Chaxmaq // *Proceedings of the 11th Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*: 23-33. Tehran.

1976. Report of the archaeological investigations at Shahrud, 1975 // *Proceedings of the 14th Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*. Tehran: 63-70.

Negahban E.O. 1979. A brief report on the painted building of Zaghe (late 7th early 6th millennium B.C.) // *Paleorient* 5: 239-250.

Piperno, M. 1986. The aspects of ethnical multiplicity across the Shahr-i Sokhta graveyard // *Oriens antiquus* 25 (3-4): 257-270.

Solovyeva N.F., A.N. Yegorkov, V.A. Galibin, Yu.E. Berezkin. 1994. Metal artefacts from Ilgynly-Depe, Turkmenistan // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*: 31-35. Sankt-Petersburg.

THE MAIN ROOMS AT ILGINLY-DEPE: A TENTATIVE TYPOLOGY

The Chalcolithic site of Ilginly-depe (fig. 1), 14 ha in surface area, is situated in southern Turkmenistan, 240 km southeast of Ashgabat. In the fourth millennium B.C., the alluvial loamy valley around Ilginly-depe provided a bed for the Meana-Chai river. Apparently after the river had

changed its course, the inhabitants of the village migrated to the nearby site of Altyndepe.

Radiocarbon dates, even calibrated ones, underestimate the age of Ilginly-depe by 300-500 years, although they agree with local stratigraphy. The reason for that is not clear. The Geoksyur-type

pottery, found in two uppermost construction levels of Ilginly-depe (fig. 16:1,2,8) was also discovered in the lower level of Shahr-iSokhta, Seistan, together with Proto-Elamite artifacts (Tosi 1971: fig.3; Amiet, Tosi 1978; Piperno 1986), suggesting that Ilginly-depe was abandoned in 3 100–2 900 B.C. Given that the total depth of the deposits is about 14 m, the site must have been founded in the late fifth or early fourth millennium B.C.

The IIMK Kara Kum Archaeological Expedition, headed by V.M. Masson, started excavating the site in 1985. In 1985–89, about a dozen excavation areas were laid down, three of which became the principal ones.

Excavation 3 (N.F. Solovyova), 15 m by 14 m, is located in the southwestern part of the hill where the depth of the deposits probably attains 9–10 m. By 1994, five construction levels had been excavated, the first of which (the upper one) has not been preserved in some parts of the area (fig. 2:1,2,3,4; 4). Data on level VI, excavated in 1995, has not been included in the present article.

Excavation 5 (about 30 m by 30 m) is situated on the most elevated area in the northern half of the hill. The works here were mainly supervised by Yu.E. Berezkin, who was also responsible for works in excavation 4. The deposits were studied down to the depth of 1.5 m. In the field reports, plans and sections, the constructive levels are numbered according to local stratigraphy. Judging by the ceramics, levels IIB, IIA, IB, and IA in excavation 5 correspond to levels IV (evidently its beginning), late III, early III, and late II, respectively, in excavation 3. This correlation, however, is tentative, and the precise chronological correspondence between separate households in excavation 5 itself is not always clear. No materials related to level I or late level II in excavation 3 have been found in excavation 5, but during this period the most elevated part of the settlement was abandoned.

Excavation 4, about 70 m by 20 m, extends from the highest part of the hill down the slope from northwest to southeast. The difference between the heights is more than 3.5 m, but the deposits have been excavated to the depth of no more than 1.2–1.35 m. No integral stratigraphic pattern has emerged. The upper levels I and II (roughly corresponding to the respective levels in excavation 3) have been preserved mainly in the northwestern part of the excavation. Structures of level III have been cleared out in the southwestern part.

The remaining excavation areas are small, and works on them were done by various researchers over one or two field seasons. Excavation 1 is situated on the southeastern projection of Ilginly-depe separated from the rest of the hill by a shallow gully. It is roughly contemporaneous with level III in excavation 3 and is overlaid by later deposits which lack architectural remains. Excavation 7 is located

60 m northwest of excavation 3. Its architecture is apparently contemporaneous with that of level III in excavation 3, while the unique collective burial was made in level II or possibly I.

The architecture of Ilginly-depe attests to the existence of a standardized layout. Its main feature are complexes which are square in plan and usually adjoin (on one or two sides) other structures and/or the street wall. The entrance is situated in the centre of the wall (any wall probably except the northwestern one), according to the direction of the main winds. To the left of the entrance, inside the structures, there is either a projection of the wall or a "box". "Boxes" are blind chambers filled with pieces of mud bricks, potsherds, and refuse. Possibly the walls of the boxes did not reach the ceiling and were gradually heightened as these "dustbins" were being filled. The floors of the main rooms are painted black. Wide entrances connecting the main rooms with the courtyards had thresholds. The step bearing was usually on the right (when viewed from outside). Other rooms of the same household, if present, also had doors connecting them with the courtyard. The courtyard had a passage connecting it with the street. Large households had two courtyards, one main, another economic.

Square structures with inner projections and floors painted black were first excavated at the sites of the Geoksyur Oasis where they were associated with Yalangach and Geoksyur-type pottery. None of the more western sites in the Kopet-Dag plain provide any parallels to the architecture of Ilginly-depe.

In the present article, the complexes are denoted by a combination of the number of the main room with that of the excavation (59.4 means a complex including room 59 in excavation 4). If the room has a double numbering, it receives a smaller number (e.g. 3 instead of 3/4). Several small structures which possibly also belong to this category but have not been completely excavated or are poorly preserved, are not mentioned. Data on the size and general layout of the complexes is presented in table 1. Surface areas are rounded off to 0.5 sq.m., linear dimensions are in metres. Surface areas of structures which possibly (or probably) belong to the same household as does the main complex but have separate doors connecting them with the courtyard, are not included in the total estimate. "Right" and "left" refer to the view from outside.

(1) Number of complex; (2) approximate dimensions; (3) construction level; (4) surface area of the main room; (5) direction of entrance; (6) number of benches (clay or wooden, as in 26.3) in the main room; (7) number of large vessels (khums) standing on the floor or fallen down or number of pits for them; (8) type of structure to the left of the entrance (box or projection of the wall); (9) type of hearth, such as the following: "altar" (round hearth-

altar shaped like a shallow pit in the floor about 1 m in diameter in the left part of the main room nearest to the door, opposite the box, if present, coated with clay and having a smaller pit in the centre); "hearth" (pit situated in the same place but without the clay coating); and "stove" near the wall; (10) layout of the left corner nearest to the door: "box" (box reaching the left side wall); "chamber" (the space behind the box is separated from the rest of the room by a wall with an aperture, small threshold, etc.); "cubicle" (the floor behind the box merges with floor of the room; cases where neither the box nor the cubicle are present are denoted by a minus sign); (11) presence and number of narrow chambers flanking the back wall of the main room or the wall to the right of the entrance, as in 9.5.

A few complexes are characterized by the following features:

(12) Wide aperture ("window") between the main room and the right narrow chamber (26.3, 9.5, 26.5); (13) agglomeration of ritual objects on the floor behind the "window" (26.3, 26.5); (14) the floor of the right narrow chamber adjoining the main room from behind is situated much lower than that of the left chamber (26.3, 15.4, 59.4, 26.5); (15) the black-painted podium that existed at the late stage of the complex on the place of the right narrow chamber; open on the side facing the main room and painted black (26.5, 38.3); (16) adobe structure, square in plan, in the corner of the main room to the right of the entrance (9.5, 18.5, 58.5); (17) painted and plastic decoration of a certain type on the wall of the box (14.3, 26.3, 38.3, 26.5, 58.5, and probably 10.5); (18) small stone female figurine or, possibly instead of it, elongated stone or mud brick dug into the floor of the main room (all these are always placed at some angle to the threshold (9.5, 10.5, 12.4, 26.5, 59.4; see also 55.5, described together with 18.5); (19) mud brick structure in the left side chamber, situated along its long axis (38.3, 26.5, possible 15.4 and 59.4); (20) bowl, puttied into the floor or into the wall, in the corner where the box adjoins the wall (10.5, 58.5); (21) brazier bowl instead of the mere pit in the centre of the hearth-altar (9.5, 30.5); (22) agglomeration of potsherds from fine vessels in the top layer of the fill of the box; it is the thickest near the back side and tapers off toward the middle of the box. This feature is present in three adjacent rooms cleared out in excavation 5: 26.5, 58.5 (where the clay with which the potsherds were mixed, was charred), and 10.5.

Complex 38.3, level V (fig. 9–11), is the earliest among those excavated by the end of the 1994 season. Its surface area is 47.0 sq.m., and the surface area of the entire household which, apart from main room 38, included two subsidiary rooms (37 and 39), the main courtyard (44), and the utility courtyard (42) is more than 120 sq.m. Near the northeastern wall of the main room, there was a long and

low (height, 0.3 m) platform. At the early stage, there was a hearth in the centre of the room. After the repair, the hearth pit was covered with a large stone, three smaller ones were placed above, and all the four were puttied with clay. The resulting elevation provided a base for a round structure, possibly an altar, the side surface of which was painted black and red. Subsidiary chamber 39 was situated along the northwestern wall of the complex. On its floor, an unused clay mould for casting an axe-adze was found. After the repair, the floor of this semi-basement was raised by 0.5 m, and the new compartment was connected with the main room by means of a "window". Finally, the entire inner space together with the wall and the "window" was filled with layers of plaster mixed with black paint, and a podium, open toward the main room, resulted. An architectural detail in the form of a protome of a bull, had been thrown down on layers of plaster in front of the podium and was found there. It was made of mud bricks, coated with paste, and shaped like a stylized fore part of a bull's body. Small clay horns were broken off when the sculpture fell down. Its surface was painted black several times. On the upper layer of paint, eight coiling snakes were carved. Near the northern corner of the box, several copper artifacts had been left: fragment of a knife, point, and socketed axe-adze (Solovyova et al. 1994: figs. 1–4, 19). The surface of the covered main courtyard no. 44 (late stage) was dressed with clay several times and painted black. The walls were plastered, and a seat made of mud bricks and unbaked clay was constructed near the southwestern wall. In the middle of the courtyard, a base of a rectangular adobe construction which apparently supported the roof, has been preserved.

Complex 26.3, level IV (fig. 6–8), was constructed at the place of complex 38.3 and is somewhat smaller (about 42 sq.m.). It was the centre of a household which also included the covered main courtyard 27, two subsidiary rooms 28 and 29, two rooms, 34 and 35, likely destined for habitation, and utility courtyard 36. Inside the main room, charred remains of two benches covered with red ocher were found. Eight painted large vessels (khums) stood in special pits. They were arranged in two rows parallel to the long bench along the northeastern and southwestern walls. A wide aperture connected the room with the side chamber. Part of the wall below the aperture was painted black all over. A design consisting of three rows of white circles, eight in each row, was carved against the upper layer of paint. An adobe disk, 0.6 m in diameter, possibly an altar, was found on the floor near the painted design. A painted vessel, the mouth of which had the same diameter as had the circles in the design, lay on the disk. Two painted cups lay on the floor beside the altar. Close to one of them stood two large stylized figurines made of unbaked clay. Between the

altar and the bench, remains of two objects shaped like round bases of columns were found. One is made of the trunk of a tree, another of unbaked clay mixed with charcoal and potsherds. Both are painted red on the sides. Walls of covered courtyard 27 had the same plastic decoration as had the walls of the main room. Two seats made of mud bricks and unbaked clay (there was only one seat before the repair) were built near the southwestern wall (fig. 7).

The abandonment of complex 26.3 was preceded by a number of ritual actions. In contrast to the situation in complex 38.3, all the details of the interior were preserved, all the objects were left on their places (or specially placed), and several artifacts were put on the floor. These included three copper objects (a mirror, a spearhead, and a fragment of a knife, see Solovyova et al. 1994: figs. 1-6, 8, 15), and the upper part of a terracotta figurine. The floor was strewn with grains of cereals and covered with firewood. After that, the structure was burnt down, after which the floor was first dressed with clay and then covered with pieces of plaster. Walls were destroyed, and a fragment of a twisted copper pin was placed on top of the northwestern wall (Solovyova et al. 1994: fig. 2-2). The entrance and the remaining part of the structure were bricked up (bricks were taken from the walls of the same structure).

Complex 14.3, level III (fig. 5) postdates complex 26.3 in excavation 3. Its surface area is 51 sq.m. Apart from the main room, the household included two semibasements 24 and 25 destined for utilitarian needs, main courtyard 13 and possibly certain structures situated behind the northeastern wall of the complex (constructively, however, these are not related to the complex).

In the floor of the main room, along the northeastern and southwestern walls, 9 pits for the vessels were made. One more was situated between the northwestern wall and the smaller side of the largest of the three benches in this room. All the three are made of mud bricks coated with a thick layer of paste. The edges of the seats and four legs of each bench in this room, as well as benches in other complexes of levels III and II, were made in the same technique, apparently in imitation of wooden benches. The space between the legs was painted black, while the legs and the seats were painted red. The southeastern side of the bench to the right of the entrance is shaped like a semicircle encompassing the painted khum dug into the floor. A rectangular adobe structure, plastered on the sides, was added to the central bench. It apparently supported the roof.

The box was a rectangular mass of debris and fragments of architectural details.

Complex 18.3, level II (fig. 4) is the uppermost and the worst preserved level in excavation 3. The

surface area of the main room is 47 sq.m. Near one of the two benches, situated closer to the centre, there lay two copper awls and a fragment of a copper knife (Solovyova et al. 1994: fig. 2-9, 17). To the right of the central bench, two painted khums were found. In the left half of the room, two stone vessels whose bottoms had been intentionally broken off were puttied into the floor. At the same place, a large hearth altar, 1.5 m in diameter, was constructed. In the southern corner, on the lower floor, low plastered walls separated a chamber with a miniature entrance and a miniature step bearing near it.

Complex 58.5, level IVA (fig. 17) is one of the smallest (its surface area is 18 sq.m.). On the southeast, it is delimited by the street wall, and on the southwest it borders on complex 10.5 from which it is separated by a wall. Apart from fragments of a khum, which had been placed in a pit near the western corner of the room, an adobe object whose base had been puttied into the floor was found near the southwestern wall. Before the complex was destroyed, all the objects in the room had been broken.

Complex 10.5, level IVA, was situated between complexes 58.5, 26.5, and the street. Its surface area was 27 sq.m. (fig. 17). The area to the northwest of room 10 has not been excavated down to that level. The surface area of the house together with the courtyard is 50 sq.m. The inside of the structure was damaged by pits dug down from level II. The unique feature of this complex is a round tower, partly situated within the box and partly protruding into courtyard 23. It was made of mud bricks set on edge and its floor was also made of bricks.

Within the preserved part (up to the height of about 1 m) there was no aperture. A khum was found on the floor. The box was nearly completely destroyed on the side facing the room, but its bottom part, slanting inwards and painted black, suggests that the decoration was the same as in complexes 26.5 and 58.5 (fig. 18). A fragment of a large grinder had been dug into the floor in a vertical position near the entrance into the main room. Near the northwestern wall, there were three pits for the khums. A small adobe cubicle in the eastern corner contained a copper blade (the largest one to be found in Ilginly-depe) and two copper perforators (Solovyova et al. 1994: figs. 1:1, 2:10, 12).

Complex 10.5, level IIIB (fig. 19). After the repair, the surface area of the complex attained 30 sq.m. (55 sq.m. if the courtyard is included). The complex was burnt down together with the adjoining complex 26.5. Judging by the charcoal, the planks (or logs) were no less than 10 cm thick and belonged to 3-4 species of deciduous trees. In the courtyard, between the square tower and the wall of complex 26, thousands of charred grains of barley were found. Inside the room and in the courtyard, isolated parts of at least three human skeletons were

discovered (burials 67-69), and two agglomerations of human bones including skulls (burials 35,36). One of the burials was accompanied by a Yalagach-type bowl. No traces of fire were discovered on the bones.

Complex 26.5, level IVA-IIIB (fig. 17) is contemporaneous with both stages of existence of complex 10.5, but was not reconstructed. In some respects it resembles sanctuaries 38.3 and 26.3, but is smaller by one third (53.5 sq.m.). Along the axis of the left of the two subsidiary chambers, there was a narrow structure 60 cm high. In its upper part, remains of sections were found, apparently of the same type as those in a well-preserved structure in chamber 37 of complex 38.5. The second chamber was initially a narrow "basement" (fig. 17) and then a podium, painted black and connected with the main room by means of a "window" (fig. 19). Near the walls, there were 11 pits for the khums. In four of them, bottoms of khums were found. Of the five mortars for breaking up ocher, three lay on the floor, one inside a khum, and one was puttied into the floor. The box had a painted and plastic decoration (fig. 18). In front of the door, a female figurine was dug into the floor and wedged with a small stone. About half a liter of wheat grains were strewn nearby. Elsewhere on the floor, only remains of barley grains were found. As in previous samples, determined by Z. Yanushevich and E. Sergusheva, the wheat was *Triticum estivocompactum*, and the barley was *Hordeum vulgare* v. *coeleste* with an admixture of *H. vulgare*.

A triple aperture, 35-40 cm high, connected both chambers of complex 26.5 with the main room. Neither a hearth nor clay benches were found in the room. In the fill, remains of a beam, apparently made of plane-tree, at least 2 m long and 25 cm by 15 cm in section, were found. The beam had been moved away from its original place. Two of its wider surfaces and both narrow ones were painted with red ocher. Before the complex was abandoned, a small copper blade had been placed near each of the three apertures connecting the room with the chambers (one of the two apertures leading to the right chamber had been bricked up). Near the "window" there were agglomerations of stone tools and broken bowls two of which belonged to the Yalagach type and one had a round bottom, was almost triangular in section and had an unusual painted design. The bowl and one of the stone vessels apparently had projections (possibly zoomorphous) on their rims; these projections were broken off. A large copper blade (Solovyova et al. 1994: fig.1:2) lay near the wall of room 54. The charcoal was found all over room 26 and in the left side chamber. On the charcoal layer, isolated skulls and postcranial bones of adults and children were found (burials 59, 60, 61, 70, and 71), and skeletons of two infants aged about 1 month (burial 58) and 4-5 months (burial 64). The

position of the skeletons was unusual: the deceased lay supine, and their hands were behind their heads. Apart from a few phalanges of adults, none of the bones bore traces of fire.

Complex 12.4, level III (fig. 12). This is a small structure, 13 sq.m. in surface area, with a single room. It adjoins a massive wall. A female figurine, dug into the floor near the entrance, resembles figurines or elongated stones found in other complexes of levels IV and III.

Complex 18.5, level IIIA. After the destruction of complex 58.5, its box and the adjacent part of the house wall were used as partitions inside the rectangular structure 55.5, about 20 sq.m. in surface area, 42 sq.m. together with the courtyard (fig. 20). The floors of the rooms were painted black. Near the entrance, on the outer side, a female figurine made of limestone was dug into the ground in the vertical position.

Complex 18.5, 32 sq.m. in surface area, emerged in the process of the reconstruction of complex 55.5 and the destruction of complex 10.5 which was replaced by a courtyard partly paved with potsherds. The utilitarian part of complex 18.5 could also have extended in the northeastern direction up to the bend of the street. At the early stage (level IIIA, see fig. 20), there was no hearth in the main room (no.18), and neither were there any clay benches. The brickwork to the left of the entrance apparently delimited the box. Its wall facing the room has not been preserved, but the floor of the room did not extend beyond that line. The box had apparently been destroyed by burials of infants aged from 2-4 to 6-12 months (burials 79-86). In the fill of the box, isolated bones of a two-year-old child and a facial part of a skull of an adult were found (burials 87, 88).

Complex 18.5, late level IIIA or early IIB (fig. 20). At that stage, the walls of room 18 were not rebuilt. Two copper blades had been left in a wide shallow pit in the northeastern part of the room under the new floor. The box was destroyed, and the brickwork was turned into a projection. In the left half of the room, a hearth-altar was built, and to the right of the entrance, a square structure 115 cm by 100 cm, the base of which was made of bricks placed on edge and arranged (as in complex 58.5) in three rows parallel to the wall with the entrance. Near the southeastern wall, possibly under the latest coating, there were five copper needles which had been either placed in a needle-case or tied together; in the eastern corner, four spindle-whorls lay together on the floor, while the fifth one was placed near the bench.

Complex 9.5, level IIIB (fig. 19). This household, 105 sq.m. in surface area, has been completely excavated. The main structure together with the side chambers had a surface area of 55 sq.m. Complex 9.5 is the only one which contained just one clay

bench. In the left half of the room, there was a hearth-altar with a bowl dug into the hearth pit, and in the right half, a rectangular clay structure, 120 cm by 85 cm, on twelve legs (Masson et al. 1994: fig.3:2). The khum in the northern corner had been broken before the complex was abandoned. Its conical bottom was filled with potsherds from the upper parts, a layer of coating was added above, and a stone was put on top. Near the door connecting the structure with the courtyard, an elongated stone was dug into the floor. Before the complex was destroyed, several copper tools had been left in the side chambers: a copper blade (Solovyova et al. 1994: fig.1:3) and an unused whetstone were found under an upturned bowl in room 21, and a copper chisel, a small copper point, two small bone awls, and two dozens of various stone tools were found in a special cubicle in room 14.

Complex 1.7, level III. The southwestern part of the structure, where the utility chambers may have been situated, has not been preserved. The surface area of the structure was either 51 sq.m. (if the chambers did exist) or about 62 sq.m. if there were none. Two red clay benches were found in the room. The entrance was apparently situated in the southeastern wall near the projection; however, the aperture has not been discovered. A small cubicle in the southern corner resembles that in complex 18.3. At least ten intact spindle-whorls were found in the complex.

Complex 15.4, level III (fig. 12). The surface area of the structure is 73.5 sq.m. The surrounding area has not been excavated down to the respective level. Although the box has been well preserved, the plastic decoration has not been found. In the bottom part of the fill of the box, the top and the right part of the bottom part of a large clay figurine were found (Masson 1993:25). At some stage, there were three red benches in the room. By the time when the structure was abandoned, the central bench had been destroyed by two thirds; none of its fragments were found nearby, but the outlines of the bench have been traced on the floor. In the eastern corner of the room, there were fragments of a khum, a copper rod, and an agglomeration of various stone artifacts (spindle-whorls, a broken weight, and tools for processing grain, skins, paint, and metal).

Complex 3.1, level III (fig. 3). The structure, 81 sq.m. in surface area, is situated on the southeastern edge of the site. Most of the right wall has been destroyed. On the upper floor, near the place where the central of the two clay benches had adjoined the wall, a copper blade and a stone bead were found, and in the corner of one of the narrow chambers, there was a red polished bowl turned upside down.

Complex 25.5, level IIIA (fig. 20). After the destruction of complex 26.5, this area was apparently abandoned for the entire period of functioning of complex 9.5. After the latter had been destroyed,

remains of walls of complex 26.5 sticking out of the debris were demolished, and structure 25.5, 33 sq.m. in surface area, was built on that place. Neither the benches nor the hearth have been found inside.

Complex 30.5, level IIIA (fig. 20). Its surface area is at least 41 sq.m., and the complex is contemporaneous with 25.2. Due to its position in the surface layer, its preservation is incomplete. While the two main red benches were constructed at the same time as was the black floor (the only one in the complex), the bench opposite to the entrance, and apparently one that adjoined the right side wall and has not been preserved, were built later. A bowl was dug into the pit of the hearth-altar.

Complex 3.4, level II (fig. 12). The surface area of the structure can be estimated at about 35-40 sq.m. The right half has not been preserved.

Complex 36.4, late level II (fig. 12). Its surface area is about 45 sq.m. Because it was also situated in the surface layer, its southeastern part, including the hearth (if there was one) has not been preserved. The main pair of benches, covered with ocher, was constructed simultaneously with the single black floor. Apparently there was one more bench opposite to the entrance, but most of it has been destroyed.

Complex 34.4, early level II (fig. 12). Because the floor in the southern corner of room 34 tapers off and appears on the surface, and the area in the northern corner below room 36 has not been cleared out, the general layout of the complex can not be reconstructed in detail. The complex is contemporaneous with utility structure 22. A khum lying on the side, a zoomorphous limestone mortar, and a copper blade were found inside (Masson et al. 1994: fig. 6:2; 1:18).

Complex 59.4, level II (fig. 14). The surface area of this complex is 76.5 sq.m. Its back wall faced street 70. In front of it, there was main courtyard 45,7 m by 14 m, overlaid by several layers of adobe and coating, not by pavement, suggesting that the courtyard was covered (fig. 15, sections a-d-a', c-c'). In the northeastern half of the courtyard, a square structure 10-15 cm high and 165-185 cm in width was cleared out. It was coated with clay four or five times; layers of coating are separated by thin layers of ash. Apparently fire (not a heavy one, though) was made here several times.

A complete set of clay benches, four in number, has been preserved in this sanctuary: the central one (fig. 16:15), another one, adjoining the wall and connected with the first one (fig. 16:16), one along the right (northeastern) wall (fig. 16:17), and one connected with it and facing the entrance (fig. 16:18). All are painted with ocher. In the main room, near the door connecting it with the courtyard, a vertically positioned mud brick, possibly an idol, was protruding out of the floor. Neither the

pits for the vessels nor the vessels themselves nor even their fragments have been found in the building. On the place of the northeastern wall of the complex and immediately behind it, three dozens of small hearths, partly overlapping, were discovered. Stratigraphically, they are related to the period of the destruction and ritual burial of the structure and correspond to the layer of ashes and charcoal which overlaid the entire western half of the main courtyard (fig. 15, sections d-d', d-1, b-b'). In this layer, fragments of a khum with a Geoksyur-type painting were scattered (fig. 16:1,2). The structure to the southeast of the main courtyard was apparently a residence house. Four niches in the wall of room 41 (see Berezkin 1990 for a photo) have no parallels in the Aeneolithic of Turkmenia. South of the residence house, utility courtyard 52 was situated. In the wall separating it from main courtyard 45, there was a stove destined for manufacturing or domestic purposes.

Complex 59.4, level IB (fig. 13). An earlier sanctuary was first filled with loose matter up to the level of the benches and then bricked up. As in courtyard 45, the mud brick was used. The new building was smaller (57.5 sq.m.) and had two successive floor levels, one situated 10 cm above another (fig. 15, section a-d). The benches (fig. 16:13,14) had no side rolls or separate legs. The benches on the upper floor were painted white (with a solution containing plaster or lime) rather than red. They were twice more narrow and lower than the usual ones, and trapezoid in section, widening toward the bottom. Apart from the two main benches, a third one was apparently present, but most of it has not been preserved. Under the floor of one of the utility chambers, a leg of a clay table was found (fig. 16:3).

Conclusions. Some of the features differentiating the complexes are chronological. These apparently include the decor of the boxes and the types of the hearths. A specific plastic and painted decoration (a black horizontal band slanted inward and an upright projection rectangular in section and tapering toward the floor) are not found in complexes later than level III, but are present in all complexes of level IV and earlier ones regardless of their size (38.3, 26.3, 26.5, 10.5, and 58.5). In level III, this decor has been registered in sanctuary 14.3 but not in sanctuary 15.4. In other contemporaneous com-

plexes there are either no boxes or the plaster has fallen off from them. The hearth-altars have not been found in levels earlier than III but are present in all well-preserved complexes beginning from late III (it is impossible to say anything about early III since complex 10.5 is heavily damaged). In completely preserved rooms of level IV (26.3, 26.5, and 58.5), there are no hearths whatever, but in complex 38.3 of level V a round pit with traces of fire on its edges was found in the middle of the room. In level III, a transition from wooden benches to clay ones occurred. However, only complex 26.3, where charred remains of seats with remnants of paint were discovered, indicates that wooden benches existed in level IV and even earlier. Beginning from level III, clay benches are present in all large and middle-sized complexes and even in some small ones (18.5). Another element found (only twice, though) no later than level IV is the podium, open toward the room, on the place of the subsidiary chamber. Its likely prototype is the "sufa" dating from the times of Namazga I in structure 1 at Dashlyji-depe (Khlopin 1960:141, fig.6,9; 1963:15). More remote parallels are provided by platforms of houses of Jeitun Neolithic culture and of sites of Zaghe and Sang-e Chaxmaq in Northern Iran (Masuda 1974, 1976; Negahban 1979).

The principal feature of the evolution of clay benches was the progressive loss of details which did not accord with properties of the new material. In level III, the benches still follow the wooden prototypes in all their details. In level II, the plastic parts become schematic and lose their former elegant outlines, and in level I they disappear altogether. The last to disappear was the red ocher paint.

The number of utility vessels present in the complexes was evidently related to the destination of the latter. In this respect, complexes nos.38.3, 26.3, 14.3, and 26.5 are quite distinct from the remaining ones since 9-12 pits for large vessels were found in each of them.

Decrepit "sanctuaries" were apparently always "buried" according to certain rules, and prestige objects were left behind on the floors or in caches. Ruins of many complexes are "sealed" with mud bricks. Some had apparently been burnt down. In complex 26.5 and in the "cult building" at Geoksyur I, human remains were found inside the rooms destroyed by fire (Sarianidi 1962:49-51).

СТЕНОПИСЬ ИЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ

Н.Ф. СОЛОВЬЕВА*

В течении десяти лет Каракумская экспедиция ИИМК РАН совместно с ЮТАКЭ АН Туркменистана под общим руководством В.М. Массона исследует на юге Туркменистана Илгынлы-депе, одно из крупнейших поселений ирано-туркменского региона, которое датируется V — III тыс. до н. э. (Masson, Berezkin, Solovyova 1994).

Во время раскопок Илгынлы-депе были обнаружены уникальные архитектурные комплексы, условно именуемые святилищами. Они представляют собой квадратные в плане блоки строений, включающие, как правило, парадную комнату с несколькими подсобными помещениями и, иногда, жилые или хозяйственные пристройки. Перед фасадами святилищ располагались парадные крытые двory, ограниченные боковыми стенами. Парадные комнаты святилищ отличаются специфической планировкой, богатым внутренним убранством (черные крашенные полы и панели на стенах, покрытые охрой деревянные и глиняные скамьи, алтари и рельефы) и большим количеством ценных находок (Березкин 1992).

На стратиграфическом раскопе 3 к концу 1995 г. исследовано шесть строительных горизонтов, и в каждом, кроме I (верхнего) горизонта, архитектурные остатки которого сохранились лишь в северо-восточной части раскопа, центральное положение занимало святилище, возведенное непосредственно на месте отслужившего свой срок более раннего культового сооружения. Эти архитектурно-ритуальные комплексы характеризуются некоторыми особенностями, уникальными для синхронных памятников Ближнего и Среднего Востока. Более того, своими большими размерами, отделкой интерьеров (сырцовые стулья в IV горизонте, скульптурное изображение протомы быка в V горизонте) и находками (медный проушной топор-тесло, глиняная форма для отливки другого типологически близкого топора) они отличаются от святилищ, обнаруженных на других раскопах Илгынлы-депе (Соловьева 1994). Однако, прежде всего, заслуживает внимания настенная живопись, фрагменты которой были найдены в парадных комнатах святилищ стратиграфического раскопа 3.

Жители поселения придавали большое значение цветовой гамме интерьера своих парадных комнат, пол которых, как правило, был покрыт черной краской. В тех случаях когда черного покрытия нет, оно, скорее всего не сохранилось или не было найдено. На полах резко выделялись ярко красные скамьи. Нижние части тщательно оштукатуренных стен имели невысокие черные панели. В отдельных случаях такая панель была лишь на стене напротив входа. Выше панелей стены либо окрашивались белой краской, либо сохраняли цвет штукатурки. Иногда стены были полностью покрыты черной краской, поверх которой в редких случаях наносился рисунок.

Росписи выполнены в двух цветах: черном и светло-желтом (цвет необожженной глины). Мастера Илгынлы-депе пользовались уникальной для своего времени и достаточно редкой даже в современном искусстве техникой сграффито, при которой предназначенную для нанесения рисунка поверхность предварительно покрывали несколькими (минимум двумя) слоями краски различных цветов. Затем по верхнему слою наносили контурный рисунок, с определенных участков которого соскабливали краску до нижнего слоя, непременно, контрастного с верхним по цвету. На Илгынлы-депе стены комнат, в том числе и те, на которых были обнаружены росписи, в начале покрывали штукатуркой, представлявшей собой необожженную глину, смешанную с мелкорубленной соломой. Поверх штукатурки наносили и заглаживали до блеска тонкий черный слой: смесь жидкой глины с большим количеством растертого в порошок древесного угля. При каждом ремонте помещений стены либо заново окрашивали, либо предварительно покрывали новым слоем штукатурки.

На стратиграфическом раскопе 3 остатки росписи были трижды встречены в парадных помещениях — IV (26), V (38) и VI (47) строительных горизонтов. Во всех трех случаях роспись располагалась на стене напротив входа или на архитектурной детали, имеющей отношение к этой стене.

Впервые плохо сохранившийся фрагмент орнамента в виде трех рядов светлых (цвет не-

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

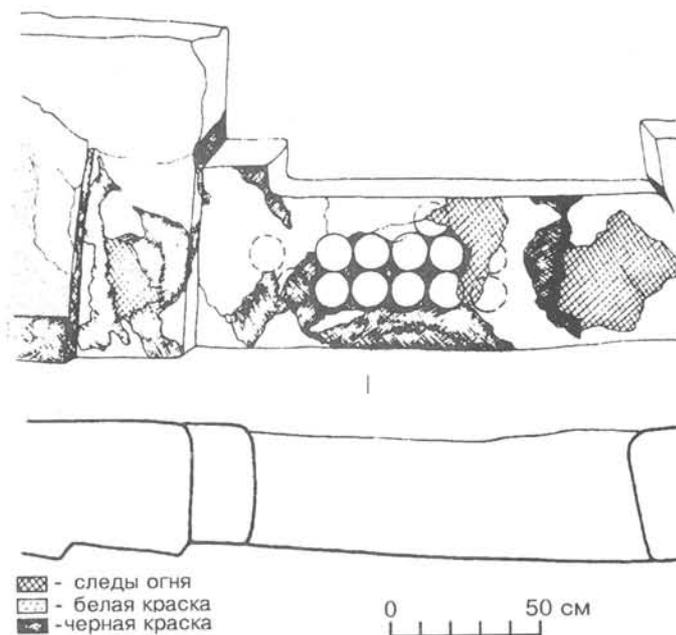

Рис. 1. Фрагмент стенописи из помещения 26 — IV.

Fig. 1 Fragment of wall painting from room no.26 (construction horizon IV).

обожженной глины) кругов одинакового диаметра на черном фоне был обнаружен на северо-западной стене помещения 26 (IV горизонт) (рис. 1). Участок с росписью, находившийся под стенным проемом, был ограничен с одной стороны двумя вертикальными рельефными выступами, не имел горизонтального выступа, который конструктивно оформлял нижнюю часть стены, и был полностью вместе с рамой проема выкрашен в черный цвет. Внизу краска сливалась с черным покрытием пола. Рисунок нанесен по последнему слою черной краски, прорезая все предыдущие до первого неокрашенного слоя штукатурки. Диаметр кругов совпадает с диаметром венчика расписного кувшинообразного сосуда, лежавшего на полу около стены. Возможно, круги на стене являются оттисками венчика этого сосуда. Остальная часть северо-западной стены и все другие стены в помещении 26 имели на высоте 0,2 м от пола горизонтальный рельефный декоративный выступ и были выкрашены от пола до выступа в черный, а выше — в белый цвет.

При исследовании остатков строений V горизонта на полу помещения 38 около его северо-западной стены была найдена окрашенная в черный цвет схематично выполненная протома быка из необожженной глины. Вероятно, первоначально скульптура стояла на стене, фланкируя левый край аналогичного описанному выше проема, а затем по какой-то причине

была сброшена вниз. На правой стороне протомы по последнему слою краски были прорисованы восемь ползущих змей, расположенных одна над другой (рис. 2). Их контурные изображения различной величины были первоначально процарапаны острым орудием, после чего с них соскоблили все слои черной краски до штукатурки. Именно поэтому пресмыкающиеся имеют такую же, как и штукатурка, светлую окраску. Рельефно-расписной декор северо-западной стены помещения 38 аналогичен декору северо-западной стены в помещении 26 (IV горизонт).

В обоих случаях — и в помещении 26 (IV горизонт), и в помещении 38 (V горизонт) — однослойная, состоящая из повторяющихся элементов, роспись наносилась лишь однажды — при последнем ремонте стен парадных комнат и не была намеренно скрыта или разрушена при оставлении помещений.

На северо-западной стене (сохранившаяся высота 0,7 м) помещения 47 (VI горизонт), которое служило парадной комнатой самого раннего из исследованных на конец 1995 года святилищ Илгынлы-депе, обнаружено семь слоев штукатурки, из которых пять, со второго по шестой (счет по порядку нанесения), были расписаны в традиционной илгынлынской манере (рис. 3).

Вблизи северного угла помещения 47 в стене сохранилась нижняя часть широкого про-

ема, аналогичного проемам в северо-западных стенах парадных комнат святилищ IV и V горизонтов. Участок под проемом был отделен слева от остальной части стены двумя вертикальными декоративными выступами, пространство между которыми не окрашивали в черный цвет, а также не имел горизонтального выступа в нижней части стены. После каждого из семи ремонтов, участок под проемом сохранял черную окраску на всю свою высоту. В этой части помещения черное покрытие стены сливалось внизу с черным цветом пола, а сверху покрывало нижнюю часть рамы проема и высокий, практически до уровня проема, пол подсобного помещения 46, которое располагалось за стеной с проемом. Все слои штукатурки остальной части стены на высоте 0,1 — 0,15 м от пола имели горизонтальный рельефный декоративный выступ. Под ним находилась узкая неокрашенная, полоска поверхности стены, являвшаяся границей, разделяющей черный пол помещения и черный фон стены.

Первый слой штукатурки служил грунтом и не имел следов краски; последний, (седьмой), слой намеренно скрывал роспись и был выкрашен от пола до горизонтального выступа черной краской. Толщина штукатурки первого и последнего слоев — 5–8 мм, толщина расписанных слоев — 1–3 мм.

Многokrратно повторяемые элементы росписи одинаковы почти для всех слоев: лежащий рожками вверх полумесяц, стилизованное дерево, круг и змея. Первые два элемента отсутствуют на третьем слое, на четвертом и пятом слоях прибавляется мифический персонаж (рис. 4).

Одинаково и пространственное решение композиции: левую большую часть росписи занимают круги в разном сочетании с полумесяцами, деревом и находящимся возле него ми-

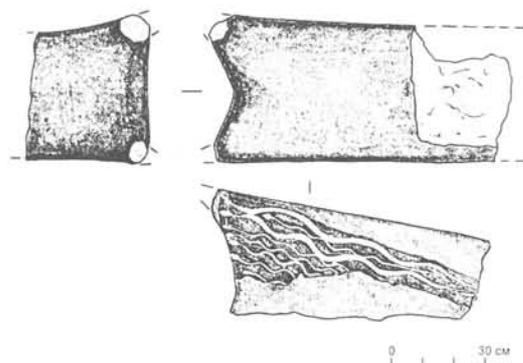

Рис. 2. Протома быка с росписью из помещения 38 — V.

Fig. 2 Protome of a bull, painted, from room no.38 (construction horizon V).

фическим существом, а расположенные друг над другом змеи, ползущие влево, всегда помещены на правом участке стены под проемом. Вертикальные рельефные выступы с неокрашенным пространством между ними, узкая неокрашенная полоска стены у пола и притока прохода в помещение 45 выделяют основную композицию, и, напротив, сплошное черное покрытие участка стены с изображениями пресмыкающихся, нижней части рамы проема и полов в помещениях 46, 47 создает ощущение единства змей и черного интерьера. Количество змей и их размеры меняются от слоя к слою, но неизменным остается направление движения — влево, к остальной части композиции.

Сохранившийся фрагмент первого слоя левой части росписи как и остальные слои, в основном, заполнен рядами кругов разной величины: чем ниже они расположены, тем меньше их диаметры. Ниже кругов находятся лежащие рожками вверх полумесяцы, цепь которых в одном месте прервана маленькими кругами: справа четыре полумесяца изображены попар-

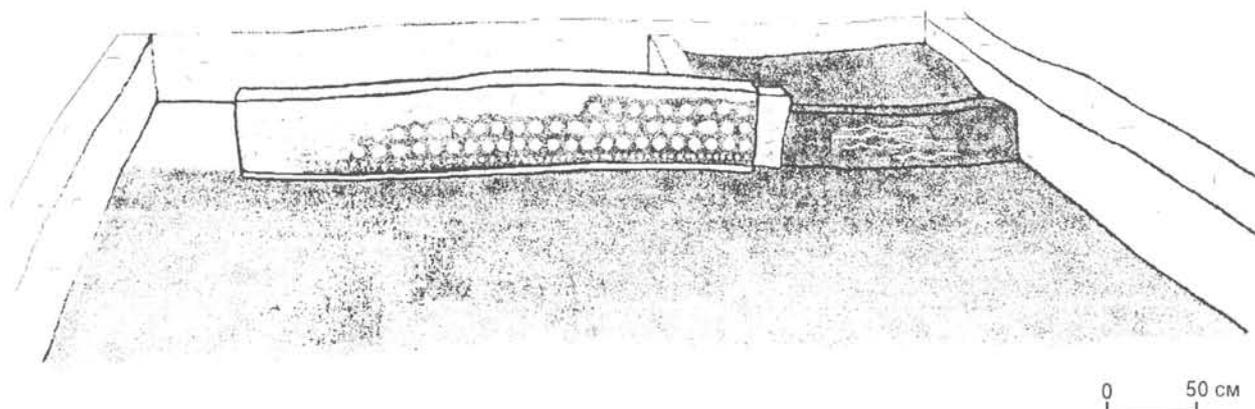

Рис. 3. Схема расположения стенописи в помещении 47 — VI (фрагмент настенной росписи нанесен условно).

Fig. 3 Scheme showing the arrangement of wall painting in room no.47 (construction horizon VI). The fragment of painting shown in the picture does not represent any real find.

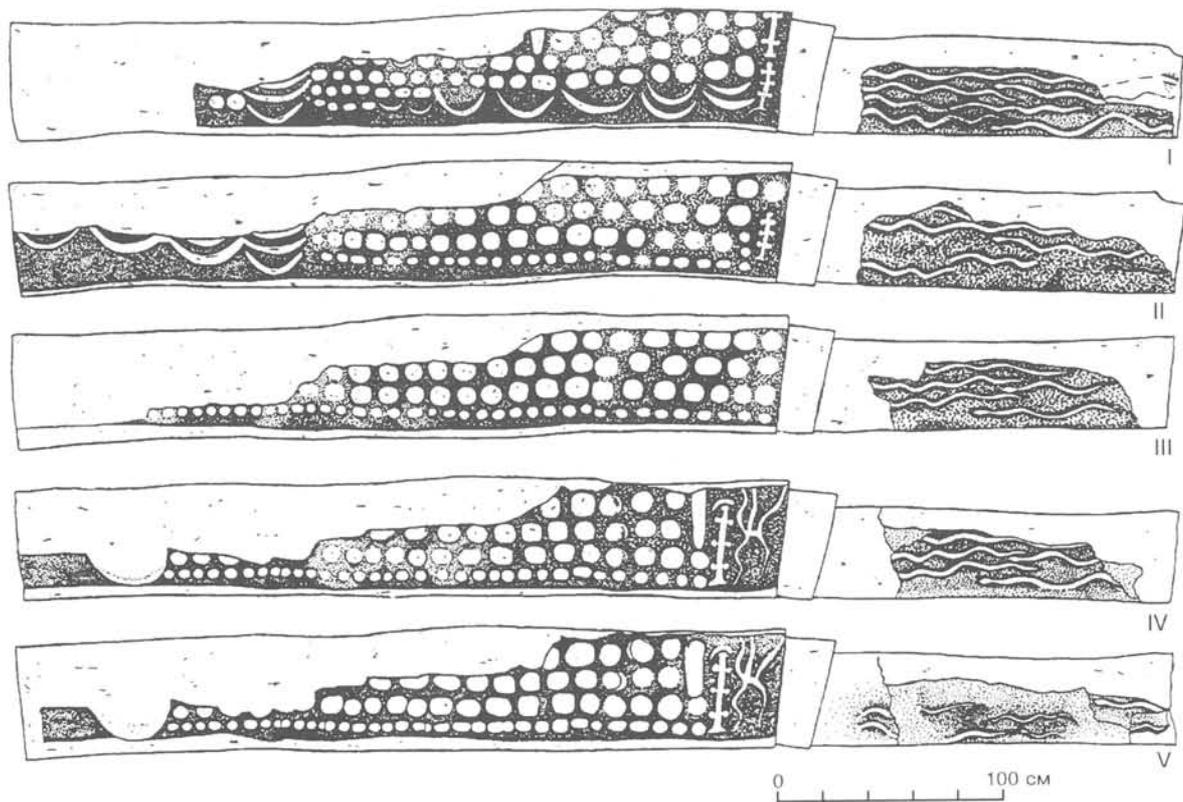

Рис. 4. Пять слоев стенописи из помещения 47 — VI.

Fig. 4 Five layers of wall painting from room no. 47 (construction horizon VI).

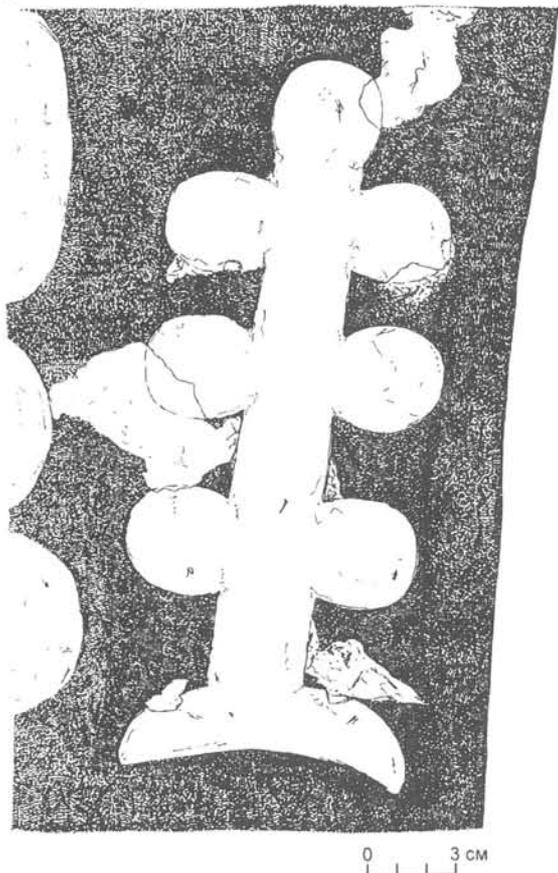

Рис. 5. Фрагмент второго слоя стенописи из помещения 47 — VI.

Fig. 5 Fragment of the second layer of wall painting from room no. 47 (construction horizon VI).

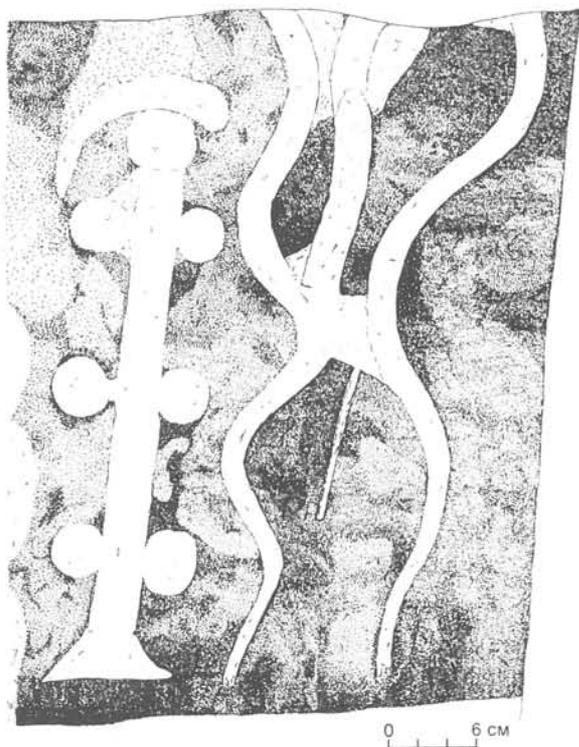

Рис. 6. Фрагмент четвертого слоя стенописи из помещения 47 — VI.

Fig. 6 Fragment of the fourth layer of wall painting from room no. 47 (construction horizon VI).

но друг над другом, слева, также один над другим, — три полумесяца. Справа ряды кругов и полумесяцев фланкируются растущими друг над другом стилизованными деревьями с прямым стволом, корнем, макушкой и тремя парами зеркально расположенных веток в виде кругов (рис. 4:1).

На втором слое все полумесяцы смещены на левый край и расположены друг над другом, минимум, в два ряда, на правом краю — дерево (рис. 5); между ним и полумесяцем сохранились четыре ряда кругов, нижний ряд состоит полностью из маленьких кругов, во втором ряду справа вместо одного большого круга нарисованы два маленьких (рис. 4:II).

Роспись третьего слоя аналогична композиции средней части второго, однако в ней отсутствуют изображения полумесяцев и деревьев (рис. 4:III).

Композиции четвертого и пятого слоев практически идентичны, несколько смещены лишь круги (рис. 4:IV, V); на левых краях сохранились контуры большого полумесяца. Основное пространство, как обычно, занимают ряды больших и маленьких кругов. Справа находится дерево, аналогичное изображениям на предшествующих слоях росписи, но более высокое, и стоящий на двух конечностях рядом с деревом мифический персонаж, сочетающий антропические и зооморфные черты (рис. 6). Голова существа не сохранилась, его передние (верхние?) конечности подняты, на изображении четвертого слоя имеется хвост (фаллос?). Дерево и существо, судя по направлению волокон штукатурки, первоначально представляли собой барельефы,

выступающие части которых были сбиты при нанесении следующего слоя штукатурки. Слева от дерева над крайним кругом второго ряда помещен вертикально стоящий предмет, овально-удлиненной формы. Вероятно, нижняя часть аналогичного предмета сохранилась в центре композиции первого слоя росписи. Над макушкой дерева угадывается плохо сохранившееся непонятное изображение в виде лежащей дугой вверх запятой. Возможно, это корень еще одного дерева, ствол и ветви которого находились выше на несохранившейся части росписи.

Роспись, найденная на Илгынлы-депе, является четвертой по счету находкой настенной живописи на земледельческих поселениях южной Туркмении. В 50-х — 60-х годах фрагменты полихромных геометрических настенных росписей были обнаружены в энеолитических слоях северного холма Анау и Ясы-депе (Хлопин 1963:9,13, табл. IV, XI), а на поселении джейтунской культуры Песседжик-депе были найдены фрагменты рисунков людей и животных, напоминающие росписи Чатал-Гуека (Бердыев 1972:38-39). Однако, ни по сюжетам, ни по манере исполнения стенопись Илгынлы-депе не похожа на росписи указанных памятников. Более того все известные немногочисленные остатки настенной живописи древнеземледельческих поселений, независимо от сюжета, выполнены в традиционной манере моно- или полихромного рисунка красками, что ставит в особый ряд выполненные в технике сграффито фрагменты росписи стен Илгынлы-депе.

Бердыев, О. 1972. Древнейшие настенные фрески // Успехи среднеазиатской археологии 1: 38-39. Ленинград: Наука.

Березкин, Ю.Е. 1992. Архитектурный комплекс как объект ритуального разрушения (Илгынлы-депе, период Намазга II) // Известия Академии Наук Туркменской ССР. Серия общественных наук 4: 27-34. Ашхабад.

Соловьева, Н.Ф. 1994. Илгынлы-депе: продолжение исследований на раскопе 3 // Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму: 16-20. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Хлопин, И.Н. 1963. Энеолит южных областей Средней Азии. Часть I. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении // Археология СССР. Свод археологических источников. Москва-Ленинград: Академия Наук СССР.

Masson, V.M., Yu.E.Berezkin, N.F.Solovyova. 1994. Excavations of houses and sanctuaries in Turkmenistan // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia: 18-24. Sankt-Petersburg: Institute of the History of Material Culture. Russian Academy of Science. World Archaeological Congress.

THE WALL-PAINTING OF ILGINLY-DEPE

During the last decade, the IIMK Kara-Kum Expedition has been excavating the Ilginly-Depe site, South Turkmenistan, one of the largest in the entire Irano-Turkmenian area, dating from the fifth

to the third millennia BC (Masson et al. 1994).

The excavations have brought to light unique architectural associations, tentatively described as sanctuaries. They are square blocks of structures

usually including the main room with several subsidiary rooms and, sometimes, living and utility annexes. In front of their facades, covered courtyards delimited by the side walls were situated. The main rooms have a regular layout and a rich decor which includes floors painted black, wall panels, wooden and clay benches painted with ochre, altars and reliefs. Numerous unique artifacts were found inside (Berezkin1992).

By late 1995, six construction horizons were revealed in excavation area no.3. In each horizon except the upper one, which was preserved in the northwestern part of the area only, the space in the centre is occupied by a sanctuary constructed directly at the place of an earlier ritual structure. In some respects, the sanctuaries are unique among the synchronous structures of the Near and Middle East. Their large size, certain elements of their decor (adobe seats in horizon IV, a sculptural protome of a bull in horizon V) and artifacts found inside, such as a copper socketed axe-adze and a clay mould for a similar type of axe, distinguish these sanctuaries from those excavated elsewhere in Ilginly-Depe (Solovyova 1994). The most important discovery, however, is the wall painting, the fragments of which were found in the main rooms of the sanctuaries in excavation area no.3.

The inhabitants of the site evidently attached considerable importance to the colour decoration of the interiors. The floors were usually painted black (where no black paint was found, it had apparently been lost). Bright red benches contrasted with black floors. The bottom parts of thoroughly plastered walls were decorated with low black panels. Sometimes only the wall facing the entrance had a panel. Above the panels, walls were either whitewashed or left unpainted. Sometimes they were covered with black paint all over, and occasionally a design was painted on the black surface. Designs were made either in black against the light background or in light yellow, the colour of unbaked clay. The painters used a technique of sgraffito, which was unique at that time. The surface of the wall was covered with at least two layers of paint differing in colour. Then an outline drawing was made on the outer coating and some parts of it were incised to reveal a ground of a contrasting colour. Walls, including those with designs, were plastered. The plaster consisted of unbaked clay mixed with chopped straw. Over the plaster, a thin coating of black paint was applied and polished. The paint was a mixture of clay, water, and a large amount of ground charcoal. During each repair, the walls were either just repainted or first replastered and then painted anew.

In excavation area no.3, fragments of painted designs were discovered in main rooms of construction horizons IV (room no.26), V (room no.38), and VI (room no.47). In all the three instances, the

patterns were found on the wall opposite to the entrance or on an architectural detail connected with it. The first to be found was a poorly preserved fragment of a design on the northwestern wall of room no.26 (horizon IV). It consisted of three rows of identical light-coloured circles painted against the black background (fig.1). The space covered with the design was situated below the wall aperture between the two upright projections and had no horizontal projection which delimited the lower part of the wall elsewhere. This area was painted black as was the frame of the aperture. In the bottom part, the paint merged with that of the floor. The pattern, made against the upper layer of black paint, cut through all the earlier layers down to the unpainted plaster ground. The diameter of the circles coincides with that of the mouth of an unpainted jug which lay on the floor beside the wall. Perhaps the circles are imprints of its rim. The remaining part of the northwestern wall and all other walls in room no.26 were marked by a horizontal projection situated 0.2 m above the wall and were painted black from the floor up to the projection; above this level, they were whitewashed.

On the floor of room no.38 in horizon V, near the northwestern wall, a schematic protome of a bull made of unbaked clay was found. Perhaps the sculpture originally stood on the wall marking the left edge of an aperture similar to the one described above. Then, for some reason, it was thrown down. On the right side of the protome, against the upper paint layer, eight creeping snakes situated one above another are drawn (fig.2). Their outlines, differing in size, were first incised with a sharp tool and then all layers of black paint were removed and the plaster ground was revealed. For that reason, the reptiles are light-coloured. The relief and the painting of the northwestern wall in room no.38 are similar to those of the respective wall in room no.26 of horizon IV.

In both cases, the patterns consisting of a succession of similar elements were painted just once, during the last repair of the walls, and had not been destroyed before the structures were abandoned.

On the northwestern wall (preserved up to the height of 0.7 m) of room no.47 in horizon VI, which was the main room of the earliest among the sanctuaries excavated by late 1995, seven layers of plaster were found, five of which (nos.2-6 beginning from the earliest one) were painted in a manner traditional for Ilginly-Depe (fig.3). Near the northern corner of the room, the lower part of a wide aperture similar to those in the northwestern walls of the main rooms in horizons IV and V, was revealed. The space below the aperture was separated from the remaining part of the wall by two upright projections, and the horizontal projection in the bottom part of the wall was lacking. The space between the two upright projections was left un-

painted. After each of the seven repairs, the entire area below the aperture remained black. In this part, the black paint of the wall merged with the same paint covering the floor. Above, the black paint covered the lower part of the frame of the aperture and the floor of the utility room no.46 situated behind the wall, its floor being almost level with the aperture. At the height of 0.1-0.15 m above the floor, a horizontal projection has been traced on all the layers of plaster on the remaining part of the wall. Below it, a narrow unpainted strip of the wall separated the black-painted floor from the wall of the same colour.

The lower layer of the plaster, unpainted, provided the ground; the upper, 7th, layer was intentionally applied to hide the pattern. It was painted black from the floor up to the horizontal projection. The first and the last plaster layers are 5-8 mm thick, and the unpainted ones, 1-3 mm thick. The elements of the pattern, repeated many times, are the same in nearly all layers: a crescent with horns turned upwards, a stylized tree, a circle, and a snake. The first two elements are lacking in the third layer, and in the fourth and fifth layer, a mythological character is added (fig.4).

The spatial layout of the composition, too, is similar: while the larger part of the painting (the left one) is filled with circles variously combined with crescents and a tree with a mythological character under it, the right part of the wall below the aperture is always painted with snakes situated one above another and creeping to the left. The upright projections separated by an unpainted space, the narrow unpainted stripe of the wall near the floor, and the lintel of the doorway leading to room no.45 delimit the main composition. In contrast, the uninterrupted black paint in that part of the wall where snakes are represented, the lower part of the frame of the aperture, and the floors in rooms nos.46 and 47, convey an impression that snakes are associated with the black colour. The number of snakes and their size vary from layer to layer, but their heads are always directed to the left, toward the remaining part of the composition.

The preserved fragment of the first layer in the left part of the painting, as the other layers, is mainly filled with rows of circles differing in size: the lower they are situated, the smaller they are. Below them, there are crescents lying horns up (in one place, their succession is interrupted by small circles). On the right, four crescents are painted pairwise one above another, and on the left, three crescents, arranged likewise. On the right, rows of circles and crescents are flanked with stylized trees growing one above another. Each has a straight

trunk, roots, a top, and three pairs of symmetrical circular branches (fig.4:I).

In the second layer, all the crescents are shifted to the left and arranged in at least two rows, one above another. On the right, a tree is depicted. Between it and the crescent, four rows of circles are preserved, the lower one consisting of small circles only; in the second row on the right side there are two small circles instead of a large one (fig.4:II).

The painting of the third layer is similar to that of the middle part of the second one. However, there are no crescents or trees (fig.4:III).

Compositions of the fourth and fifth layers are virtually identical, except that circles are somewhat displaced (fig.4:IV,V); on the left margin, an outline of a large crescent is preserved (fig.4:IV,V). As usual, most of the space is filled with rows of small and large circles. On the right, there is a tree similar to those on earlier layers but higher. Beside it, a mythological character is depicted standing upright. It combines anthropomorphous and zoomorphous features (fig.6). Its head has not been preserved, its fore (or upper) limbs are uplifted, and the figure in the fourth layer has a tail or a phallos. Judging by the direction of fibers of the plaster, both the tree and the mythological character were bas-reliefs whose shapes were cut away during the application of the next layer of plaster. To the left of the tree, below the last circle in the second row, an upright object, elongated-oval in shape, is represented. Apparently the lower part of a similar object is preserved in the centre of the composition on the first layer. Above the top of the tree, there is a poorly preserved element shaped like a comma with arch directed upward. This may be a root of another tree the trunk and branches of which have been destroyed.

The wall painting discovered at Ilginly-Depe is the fourth to be found on the agricultural sites of southern Turkmenia. In the 50s and 60s, fragments of polychrome wall painting in the geometrical style were discovered in the Aeneolithic horizons of the northern hill at Anau and Yassy-Depe (Khlopin 1963:9,13, tables IV,XI). At the Jeitun Culture site of Pessejik-Depe, fragments of painted representations of humans and animals resembling those of Chatal-Huyuk were found (Berdyev 1972:38-39). However, in terms of subject and manner, the Ilginly-Depe wall painting has no parallels among these few finds. Moreover, while all the few fragments known from the agricultural sites, regardless of subject, are made in the traditional manner of monochrome or polychrome painting, the sgraffito art of Ilginly-Depe is unique.